

КЕЙТ ВЭЙЛ

Его любовь дарит
мне крылья...

Вкус
Свободы

18+

Young Adult. Молодежная российская проза

Кейт Вэйл

Вкус свободы

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вэйл К.

Вкус свободы / К. Вэйл — «Эксмо», 2022 — (Young Adult.
Молодежная российская проза)

ISBN 978-5-04-182104-3

Алекс Я не могу представить свою жизнь без музыки. Удар палочек о барабан заставляет мое сердце биться чаще. Я испытываю эйфорию, когда толпа скандирует мое имя, а очередная песня взлетает на первую строчку хит-парада. Музыка – единственное, что вызывает у меня столь сильные эмоции. Но после предательства Брайса я перестала чувствовать радость жизни. Отгородилась ото всех, боясь, что мое сердце снова будет разбито. В этот момент я познакомилась с Кэмероном... Кэмерон Море забрало моего брата, и с тех пор я не чувствовал страха. Тишина и одиночество наполняли меня. Ежедневно я бросал вызов себе. Прыгал с парашютом, наслаждаясь ощущением свободного полета. Покорял волны, позволяя океану направлять меня. Лишь в эти минуты я чувствовал себя живым. Но все изменилось, когда на одной из вечеринок я встретил Алекс, разбитую и сломленную, как и я сам...

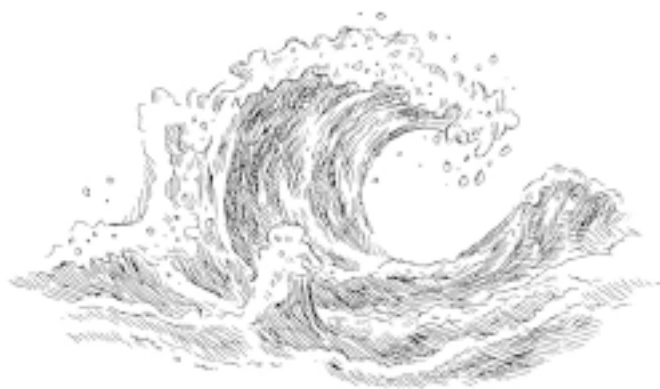
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182104-3

© Вэйл К., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Плей-лист	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кейт Вэйл

Вкус свободы

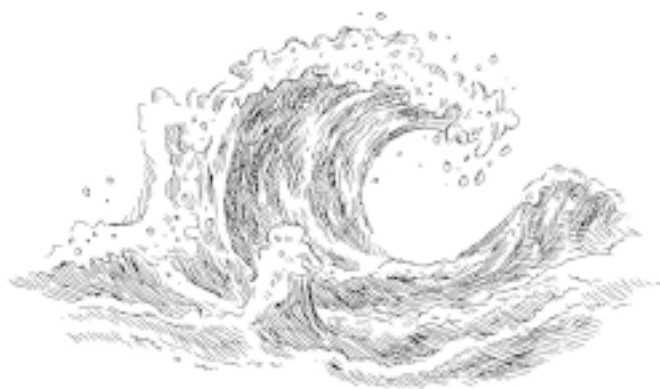
© Кейт Вэйл, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

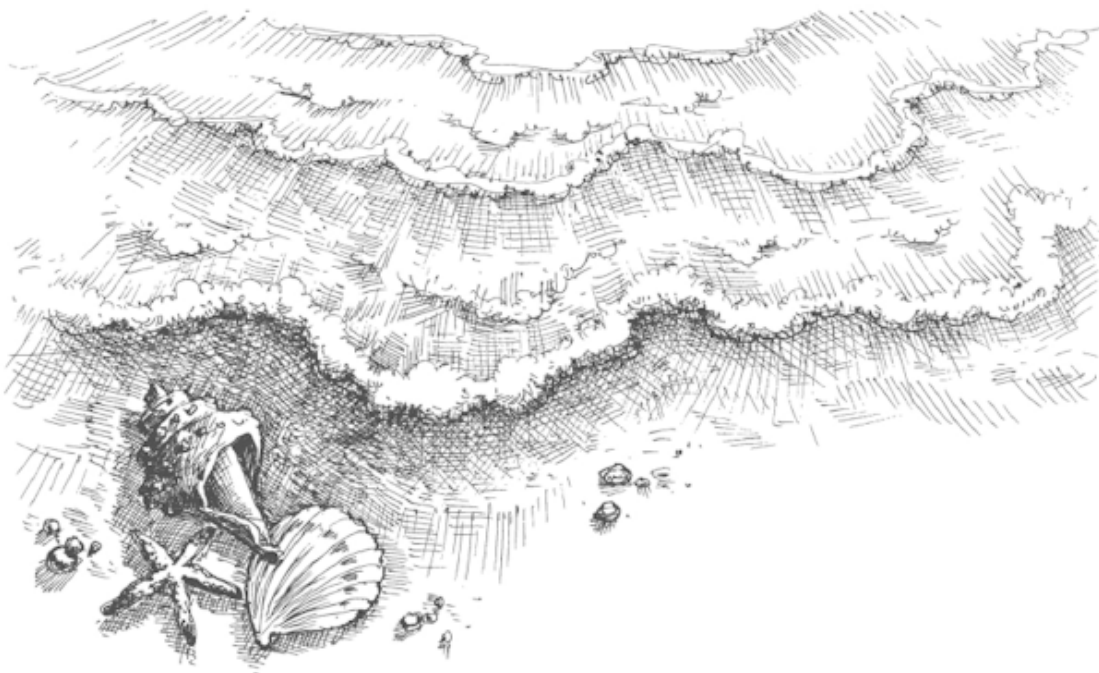
Плей-лист

Halsey – Eyes Closed
The Midnight – Los Angeles
Willie Nelson – On The Road Again
Kesha and Travis Barker – Drop Again
Guns N’ Roses – Knockin’ On Heaven’s Doors
30 Seconds To Mars – Walk On Water
Kodaline – Follow Your Fire
The Killers – Just Another Girl
Aerosmith – Pink
LA – Stop The Clocks
Banners – Someone To You
Ocean Jet – Think I Know You
Of Monsters And Men – Little Talks
Imagine Dragons – It’s Time
Youth Group – Forever Young
Two Feet – Tell Me The Truth
Goo Goo Dolls – As I Am
Surf Curse – Safe
Linkin Park – Shadows Of The Day
Aqualung – To The Wonder
Pink – Whataya Want From Me
The Killers – For Reasons Unknown
Mumford And Sons – Ditmas
Pink – Try
Billie Eilish – Happier Than Ever
The Killers – Mr. Brightside
The Fray – Hurricane

Пролог

Алекс

Казалось бы, громкая музыка в клубе должна вытеснить из моей головы любые мысли и воспоминания. Ведь я именно за этим сюда и пришла. Но перед глазами вновь встает довольное лицо Брайса. Гримаса наслаждения, застывшая на его лице в тот момент, когда он был на грани. Его пальцы, сжимающие бедра девушки так сильно, что на ее коже появлялись белоснежные следы, которые сменялись красными отметинами.

Брайс прерывисто дышал и покрывал жадными поцелуями ее шею, царапая своей щетиной ее кожу. В его глазах горели похоть и страсть, желание взять свое и получить удовольствие.

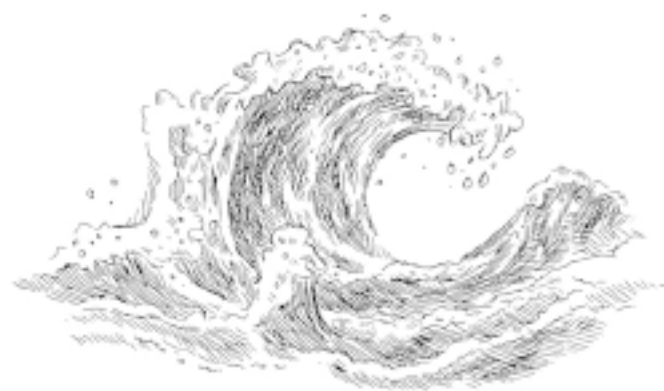
Я видела, как его движения ускорялись. Он был на пределе. Мышцы его рук напряглись, он все сильнее прижимал девушку к стене. Она крепко сжимала руки и царапала его спину.

Эта картина оставила след в моей наивной душе.

Два года, брошенные в пропасть. Два года лжи.

Свет прожекторов мелькает по моему телу, отражаясь от блестящего платья. Вскинув руки вверх и слегка приподняв волосы, я вновь отдаюсь музыке, отчаянно желая, чтобы эта проклятая картина покинула мою голову. И отчасти я не лучше Брайса. Я так же хочу причинить ему боль, чтобы он почувствовал, каково это – навсегда терять.

Различие между мной и Брайсом в том, что я пытаюсь выкинуть его из головы. В то время как он никогда не думал обо мне всерьез.

Глава 1

Алекс

– Так, всем внимание! – громко объявляет Алан.

Он кидает пачку сигарет на стол и садится в кресло.

– Ваш тур начинается через полтора месяца. За это время вы должны довести альбом до совершенства. Марк, – он кивает гитаристу. – Ты в завязке. Пока твой звук не будет таким же чистым, как у Кита Ричардса, ты забудешь, как выглядят текила и прочие удовольствия.

Марк громко смеется, растянувшись в кресле, и, запустив пальцы в светлые волосы, взъерошивает их.

– Открою тебе секрет, дорогуша: именно поэтому у старины Кита такой чистый звук. Он никогда не забывает этот божественный вкус.

– Значит, тогда ты забудешь, как выглядят деньги, если завалишь хоть одно выступление в туре! – заявляет Алан.

Он оборачивается к остальным и всем своим видом показывает, что их это тоже касается.

Алан – наш менеджер. Требовательный, фанатичный и не знающий личных границ. Ему сорок пять, но он тщательно скрывает свой возраст. Темно-русые волосы аккуратно уложены назад, и могу с уверенностью сказать, что недавно Алан их подкрасил, а кожу покрывает загар из спа-салона. Коричневый костюм от известного бренда подчеркивает такого же цвета глаза.

Мы нашли друг друга на улице. Я не шучу. Мы с ребятами, как обычно, выступали на одном из проспектов Лос-Анджелеса, в то время как Алан торопился на очередную встречу, проходя мимо нас. Марк как раз отыгрывал свое музыкальное соло, и именно оно привлекло внимание нашего будущего менеджера. Потом Алан не раз говорил, что не перебеги он дорогу

на красный свет, то мы бы так и остались уличными музыкантами, ждавшими, что слава свалится на нас с небес, а он – неудачником, потерявшим контракт с одним из начинающих исполнителей.

В итоге две неудачи превратились в один большой успех. Алан предложил нам работать вместе. Устраивал для нас выступления где только можно. На протяжении двух лет мы не знали сна, отдыха и нормальной еды. Мы репетировали сутками напролет, а все заработанные на выступлениях деньги тратили на демозаписи. К чему это привело?

Теперь мы сидим в одной из самых дорогих студий Лос-Анджелеса. У нас заключен контракт на ближайшие несколько лет. У каждого на банковском счету находятся миллионы долларов. А у входа в студию ждут дорогие машины. Хорошее достижение к двадцати трем годам.

Здравствуй, успех!

Спасибо, Алан.

Я не возражаю. Лучше иметь большую кровать в пентхаусе на двадцать пятом этаже, чем вчетвером спать в вонючем номере, есть двухдневную еду и думать, чем оплатить этот клоповник.

Алан протягивает руку к столу и достает из пачки сигарету.

– Нам поступило отличное предложение, – говорит он, затянувшись.

Комнату наполняет аромат табака с ментолом.

– Кто-то хочет увидеть задницу Рика на обложке? – спрашиваю я.

Рик, басист, показывает мне средний палец, и на его лице появляется дьявольская улыбка с ямочками на щеках, от которых половина наших фанаток теряет голову.

Я отвечаю тем же.

– Не совсем, – Алан выпускает кольцо дыма. – Это проект, который мы заморозили несколько месяцев назад.

– Ни за что! – обрываю я его.

– Детка, – он проводит рукой по волосам.

– Я сказала – нет! Я не буду принимать в этом участие!

– Это хорошие деньги, – не отстаёт Алан.

– Плевать мне на деньги. Хочешь дуэт? Пожалуйста! Но без меня.

Алану даже не надо смотреть на ребят, потому что он и так знает – они на моей стороне.

Так было всегда. Мы с Риком учились в одной школе, но в разных классах: он был старше на год, но это не помешало нам подружиться. Тем более нас объединяла музыка, а когда в восьмом классе он сказал, что у него есть знакомые, с которыми мы могли бы сыграть вместе на осеннем балу, я доверилась ему. Так я познакомилась с Тайлером и Марком. Парнями, каждый из которых многое для меня значит. И какие бы трудности мы ни испытывали, мы всегда поддерживаем друг друга.

После короткого, но напряженного молчания я встаю с кресла, хватаю палочки и направляюсь к выходу из студии. Удушающая тишина комнаты для звукозаписи сменяется голосами звукорежиссеров, стоящих в коридоре.

Когда я говорила, что Алан не знает личных границ, то имела в виду, что ему абсолютно все равно, что творится в твоей душе. Главное для него – деньги.

Именно поэтому он в который раз уже заводит этот разговор.

До того, как мой мерзавец-бывший уничтожил наши с ним отношения, мы планировали записать совместный сингл. Сделали анонс и горячую фотосессию, где мы с Брайсом изображены влюбленной парой: безотрывно смотрим друг на друга, а затем сливаемся в страстном поцелуе под струями воды. В тот момент всем казалось это отличной идеей, чтобы привлечь еще больше внимания.

Но все закончилось тем, что я застала этого козла у нас дома с фанаткой. Дуэт отменился. У Брайса был разбит нос, а его вещи вылетели с балкона. Моя личная жизнь превратилась в посмешище, и в какой-то момент я даже пожалела, что стала знаменитой.

Передо мной распахивают дверь, и я выхожу на улицу. Мой «Шевроле Камаро» припаркован около входа. Краем глаза замечаю, как в мою сторону бегут журналисты. Надеваю солнцезащитные очки и запрыгиваю в машину. Один из папарацци успевает сделать несколько кадров.

Выкручиваю руль и уезжаю. Скорость на спидометре растет с каждой секундой.

Да, я веду себя как обиженная дура. Как говорит Алан, «надо оставаться профессионалом». Но, черт возьми, когда Брайс растоптал мои чувства, я имею полное право так себя вести.

Сворачиваю с бульвара Джефферсон к океану.

«Чертов Брайс», – все еще ругаюсь я про себя.

Оказавшись в небольшой пробке, прибавляю громкость радио. Машины наперебой сигналят друг другу, будто от этого что-то изменится. Сейчас час пик, и потребуется не меньше получаса, чтобы доехать до места назначения. Немного успокоившись, постукиваю пальцами по рулю и, когда выдается возможность свернуть на другое шоссе, тут же съезжаю с дороги. Телефон снова вибрирует. Алан будет нервировать меня, пока я не соглашусь. Но только не в этот раз.

Я готова пойти на многое ради группы, но не стану терпеть Брайса Максвелла в радиусе ста километров.

Подъехав к океану, оставляю машину на парковке и выхожу на пляж. Снимаю босоножки и погружаю пальцы в песок. Он приятно обжигает кожу.

Подойдя к самому берегу, кидаю на песок палочки, которые забрала из студии, снимаю рубашку и, оставшись в топе и шортах, сажусь. В раздумье накручиваю на палец прядь русых волос и закусываю губу. Волны, разбиваясь о берег, долетают до меня, принося прохладу. Подставив лицо солнцу, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Мне пора бы прекратить так реагировать. Прошло уже больше трех месяцев с того момента, как он убрался из моей жизни, но каждый раз, когда Алан снова заводит этот разговор или когда я вижу обложки журналов, я выхожу из себя.

Роман с Брайсом не входил в мои планы. Больше всего я хотела заполучить известность. Я ни на что не отвлекалась, кроме группы. Мысль, что я могу потерять то, к чему так долго шла, помогала мне двигаться дальше. Я делала все, чтобы не вернуться к нищете.

Но одна чертова вечеринка изменила все. Брайс покорила меня своей настойчивостью. Он постоянно оказывался рядом. Я отшивала его раз за разом, а он снова и снова объявлялся в дверях студии и приглашал в ресторан. В конечном итоге я сдалась. Мы оба известны, и я думала, что наши отношения закончатся быстро. Но мы продержались год. А потом этот мерзавец растоптал меня.

Иногда я думаю: «Действительно ли между нами все было по-настоящему? Не использовал ли он меня все это время?»

Как же мне хочется вновь оставить ему пощечину.

Выдохнув, перевожу взгляд на океан. Сегодня отличная погода для серфинга. Нет, я не эксперт, но, живя в Городе Ангелов всю жизнь, немного разбираюсь.

Серфингист берет очередную волну и, ухватившись за край доски, делает крутой поворот. Даже с берега я вижу, как его глаза блестят от сосредоточенности и удовольствия. Меня всегда увлекал и пугал этот вид спорта. Он довольно опасен, ведь ты в любой момент можешь оказаться под тоннами воды, и волны утащат тебя в океан. Но уверенность и мастерство, с которыми этот парень рассекает водную поверхность, не дают отвести от него взгляд. Он не подчинен воде. Они – одно целое.

– Завораживает, правда?

Рядом со мной садится незнакомец. Уперевшись локтями в колени, он смотрит, как серфингист набирает скорость.

– Да, – соглашаюсь я.

– Я часто вижу тебя здесь.

– А ты, я смотрю, наблюдательный.

Надеюсь, он не узнает, кто я. Мне бы не хотелось, чтобы журналисты нашли и это место.

– Я Крис, – он протягивает руку.

Он определенно симпатичный. Подтянутое тело, волосы в беспорядке, и, судя по всему, он сам недавно вышел из океана. На его губах широкая и добродушная улыбка. Вот только я на такую больше не куплюсь.

Проигнорировав его руку, беру одежду, палочки и встаю.

– Пока, Крис.

Развернувшись, иду в сторону машины. Больше я не верю парням с добродушной улыбкой.

Глава 2

Алекс

Бросаю ключи на тумбочку и прохожу в квартиру. В гостиной гудит пылесос. Улыбнувшись домработнице, направляюсь в спальню.

Никто из ребят не обзавелся жильем: они снимают пентхаус в крутом отеле. Я же первым делом купила эту квартиру. Она находится в Западном Голливуде, недалеко от студии. Я специально выбирала этот район, чтобы не стоять по несколько часов в пробках. Наверное, по меркам знаменитостей она небольшая: три спальни, одну из которых я переделала под собственную студию, чтобы дома тоже можно было репетировать. Две ванны, просторная кухня и выход на крышу. Приличный район, вместо актеров и певцов – адвокаты и пластические хирурги.

Мне хотелось, чтобы у меня было что-то свое. Большую часть жизни я делила одну комнату с двумя братьями и сестрой, поэтому сейчас мне больше всего хочется иметь личное пространство.

Знаете, жизнь в бедном квартале и нехватка денег на самые простые вещи – такие как хлеб – накладывают свой отпечаток.

Мне все равно, что мы постоянно на гастролях и в городе бываем максимум три-четыре месяца в году. Группа – это драйв, а дом – моя маленькая тихая гавань. После шума и сумасшедшего ритма жизни я хочу побыть наедине с собой.

Вы спросите, раз группа выжимает из меня все соки, то почему же я не уйду? Именно она делает меня живой. Мы вкалываем двадцать четыре часа в сутки последние несколько лет и получаем от этого не меньшее удовольствие, чем тот парень, беря на доске очередную волну.

Я отправляюсь в душ. Встав под холодную воду, облегченно выдыхаю. Сейчас середина октября, и в этом году Лос-Анджелес побил свой температурный рекорд – двадцать восемь градусов по Цельсию. За доли секунды кожу покрывает пот. Такое долгое пребывание на пляже, как сегодня, можно считать самоубийством. По крайней мере, для меня: на лице появляются веснушки, а кожа моментально обгорает.

Просушивая волосы полотенцем, смотрю список сообщений на телефоне.

Алан больше не писал, но я знаю, что завтра он вновь возьмется за меня. Еще есть парочка СМС от старших братьев. Мы редко созваниваемся, так как каждый занят своей жизнью, но они оба иногда присылают мне разные вырезки из статей, а следом – очередной подкол в мою сторону, что их младшая сестренка маячит у них перед глазами куда ни посмотри.

Снова звонок. На это раз Рик.

– Ты идешь со мной на вечеринку! – заявляет он.

Я смеюсь.

– Ты не в моем вкусе, – шучу я.

– Поверь, твоя костлявая попка меня тоже не особо привлекает.

Обычный обмен любезностями в нашем стиле.

– Алекс, хватит хандрить.

Бросаю влажное полотенце в корзину с грязным бельем и падаю на кровать.

Я исключила вечеринки из своей жизни после расставания с Брайсом. Практически на каждой мы с ним встречались. Но если его я еще могла проигнорировать, то от толпы журналистов так просто не уйдешь.

Однако ребята считают иначе, поэтому когда у них намечается очередная вечеринка, они делают все, чтобы я пошла с ними. Даже сегодня, когда мы репетировали, Рик не переставал говорить о безудержном веселье, которое меня ждет, и с уверенностью заявлял, что это будет самый незабываемый вечер в моей жизни.

– Будет музыка, выпивка и куча горячих парней.

– Безумно заманчиво.

Просмотр серии любимого сериала или вечеринка? На мой взгляд, ответ очевиден.

– Забудь о кабельном хоть на один вечер, – сразу же говорит Рик.

– Ты слишком часто торчишь у меня дома, – ворчу я.

– Алекс, то, что ты закрылась от остального мира, только играет ему на руку. Покажи уже этому засранцу, что он потерял, и утри ему нос.

Тяжело вздохнув, откидываюсь спиной на кровать и смотрю в потолок.

В конце концов, Рик прав. Сколько можно? Разрывом с Брайсом жизнь не заканчивается.

– Хорошо. Я буду готова через пару часов.

Он устало стонет.

– Час. Тебе вполне этого хватит, – говорит он и бросает трубку.

Я упоминала, что мы больше, чем друзья? Рик, Марк, Тайлер и я – семья, члены которой периодически ненавидят друг друга, как и все нормальные люди.

Да, в туре иногда бывает тяжело, и мы срываемся. И все же эти трое парней знают обо мне гораздо больше, чем моя настоящая семья.

Они первыми надрали Брайсу его лживый зад. А я была рядом с каждым из них в трудные времена.

Встаю с кровати и иду в кухню.

Мария, моя домработница, уже ставит на стол свежавыжатый сок и тарелку с круассанами.

– Будут какие-нибудь пожелания насчет ужина?

– Нет, спасибо. Рик уговорил меня развеяться. Дом в твоём распоряжении, – я подмигиваю ей.

Как только я купила квартиру, то обратилась в агентство по подбору персонала. Мы с Марией сразу нашли общий язык. Я не против, что иногда она останавливается в комнате для гостей. Когда я в турне, она присматривает за квартирой, а по возвращении меня встречает чистый дом и теплая еда.

К тому же мы с Марией понимаем друг друга с полуслова. Иногда она из вежливости уточняет, что приготовить, но в конце концов на столе всегда стоит то, что она сочтет нужным.

За это я ее и люблю.

Закончив с обедом, я благодарю Марию и отправляюсь в комнату.

Я жалею, что не уточнила, у какого друга будет вечеринка. Все же ориентироваться в знакомой обстановке гораздо проще.

Зайдя в гардеробную, пробегаю взглядом по одежде: дизайнерская, обычная из дешевых магазинов, реклама – половину из этого я даже не носила.

Сейчас стоит жара, но уже вечером температура может опуститься до десяти градусов. Снимаю с вешалки черное платье на тоненьких бретельках. Дополню его ботинками и кожаной курткой.

Я всегда любила сочетать в одежде нежность и дерзость.

Оставляю русые волосы распущенными, лишь укладываю их гелем, создавая легкие волны. Серо-голубые глаза подчеркиваю стрелками и наношу тушь, а на губы – бальзам.

– Ты собралась всех сразить? – спрашивает Мария.

Она заносит корзину с чистым бельем и направляется в гардеробную.

– Всего лишь хочу показать, что Максвелл больше ничего для меня не значит.

Мария улыбается мне теплой улыбкой, но молчит.

Она понимает, что я вру. Но, может, чем чаще я буду это повторять, тем быстрее эти слова станут реальностью.

В каком-то смысле он действительно для меня больше ничего не значит. Просто мое глупое сердце болит от того, что когда-то верило ему.

Рик присылает сообщение, что ждет меня внизу.

Беру небольшую сумочку и, положив в нее телефон, выхожу из квартиры.

Глава 3

Алекс

Я согласилась поехать с Риком и только сейчас понимаю, какую ошибку совершила.

Он пьян. Прошло не так много времени, а он уже так надрался, что играет на воображаемой гитаре, стоя на столе посреди гостиной. Мне придется вызывать такси, потому что, как оказалось, остальные ребята отказались ехать.

Беру бокал с минеральной водой, выхожу на балкон и прикрываю за собой дверь, чтобы побыть немного в тишине.

Прохладный вечерний воздух приятно освежает после той духоты, которая стоит в доме.

Я понятия не имела, что Рик дружит со спортсменами-экстремалами.

В гостиной столько парней, и у всех в крови сплошной адреналин и тестостерон. Они то и дело рассказывают, как берут очередную высоту, на какие глубины погружаются и куда отправятся в ближайшее время.

Я думала, мы будем в своей среде и окажемся на светской тусовке, где бутылка шампанского стоит несколько сотен долларов. Но с этими людьми я чувствую себя некомфортно.

Пока я на кухне искала что бы выпить, ко мне уже подошла парочка и поинтересовалась, не хочу ли я покурить, а заодно и стать третьей в их бурных развлечениях.

Я не ханжа и за время тура с парнями всякого повидала, но все же от такого предложения потеряла дар речи. А когда смогла что-то сказать, то они уже нашли себе другую компанию.

Поставив бокал на перила, опираюсь на них и смотрю на звездное небо. Мы находимся далеко за городом, и звезды здесь видны гораздо ярче. Порой я даже забываю, как они выглядят. В центре города, кроме уличных огней, ничего не видно.

А еще здесь тихо. Даже с музыкой, кричащей из гостиной, можно услышать шум прибоя и почувствовать свежий морской воздух.

Дом расположен на холме в районе Хантингтон Бич. Это, конечно, не Западный Голливуд, но все же обустройство говорит о том, что у хозяина отменный вкус к деталям: на стенах висят картины художников современного искусства, в гостиной стоит парочка скульптур, а в кухне я успела заметить столешницу из натурального камня. Светлая мебель, окна в пол и собственный бассейн. Все это не совсем вяжется с собравшейся сегодня компанией. Переведя взгляд в сторону, вижу ступеньки, чтобы спуститься к океану. Но это не совсем удачная мысль: на берегу горит огромный костер, и вокруг него также собралась компания любителей ночных развлечений. Они поют песни, жарят зефир и, судя по всему, отлично проводят время.

У этих ребят своя атмосфера.

Легкая и сумасбродная. Они живут одним днем.

Надо признать: несмотря на незнакомую обстановку, это гораздо лучше, чем валяться дома и смотреть очередной фильм или серию «Друзей».

Боже, когда я успела стать такой скучной? Мои развлечения свелись к просмотру сериалов и поеданию попкорна.

Но – прошу заметить – довольно смешных.

– Не против, если я присоединюсь?

От неожиданности я вздрагиваю и задеваю бокал. Он летит прямо вниз и разбивается о камни.

– Извини, не хотел пугать, – говорит незнакомец.

Он подходит ко мне и, опершись локтями на перила, смотрит на океан.

– Можно было предупредить, – нервно бросаю я.

– Например, как? Послать голубя или запустить фейерверк?

Парень смотрит на меня насмешливым взглядом, и мне хочется его послать.

– Достаточно было не подкрадываться, – фыркаю я.

Немного увеличив между нами дистанцию, снова опираюсь на перила и продолжаю смотреть на город, делая вид, что больше не замечаю его.

– От кого прячешься?

Он явно не понимает намеков.

– С чего ты взял, что я прячусь?

– Ты единственный человек, который пропустил все веселье. Весь вечер бродишь по дому в одиночестве, – ухмыляется он.

– Под весельем ты подразумеваешь хвастанье друг перед другом очередными достижениями?

Уголки его губ поднимаются вверх, и я замечаю небольшие ямочки.

– Не любительница экстрима?

Он делает глоток пива из бутылки.

– Предпочитаю, чтобы мои руки и ноги оставались целыми.

В конце концов, именно они приносят мне деньги и позволяют содержать семью. Но незнакомцу я этого не говорю.

Замечаю его заинтересованный взгляд на себе.

Я упоминала, что дом набит симпатичными парнями?

И этот не исключение.

Выгоревшие на солнце светлые волосы небрежно уложены, словно он только что вышел из душа. Волевая линия челюсти довольно необычно сочетается с пухлыми губами. На лице трехдневная щетина, а на носу небольшая горбинка. Могу поспорить, что он сломал его в каком-нибудь приключении. Свет из окон дома падает на нас, и я замечаю его загорелую кожу. Рубашка парня расстегнута, и мой взгляд задерживается на мускулистой груди и животе.

Боже, у меня не было секса три месяца. Тот раз в клубе был ошибкой, о которой я безумно жалею. Мне хотелось сделать Брайсу больно, а по итогу я переспала с незнакомцем, хотя это мне не свойственно, и опустилась до уровня Максвелла. Больше никогда не позволю гневу затмить мой разум.

В любом случае это больше не повторится.

Просто надо взять свои гормоны под контроль.

Незнакомец замечает мой изучающий взгляд, и на его губах появляется хитрая улыбка. Я отворачиваюсь.

– Как же ты оказалась в столь непривычной для себя обстановке?

– Я пришла с другом, но, судя по всему, уйду отсюда одна.

Рик наверняка останется здесь до утра.

– Я могу тебя отвезти, – предлагает парень.

Он произносит эти слова в тот самый момент, когда я достаю телефон, чтобы вызвать такси.

– Не думаю, что это хорошая идея, – выбираю машину первого класса и ввожу домашний адрес. Машина должна приехать в течение пары минут.

– Почему же?

– Я тебя не знаю. Может, ты маньяк или очередной фанат, который прикидывается.

Его брови удивленно поднимаются.

– Фанат?

Ясно, он не знает, кто я такая. Это уже радует.

– Ты всегда такая колкая? – он так странно растягивает слова, что мне режет слух.

– А ты не всегда понимаешь намеки?

Повернувшись ко мне, он складывает на груди руки, и мышцы на его предплечьях напрягаются.

– Что ж, приятно было поболтать, но мне пора.

Убираю телефон в сумочку и, еще раз взглянув на парня, разворачиваюсь к выходу, решая подождать машину на улице.

– Как тебя зовут? – окрикает он меня, когда я захожу в дом.

Я слегка оборачиваюсь:

– Пришли голубя, и, возможно, я тебе отвечу.

Парень смеется.

Я оглядываюсь в поисках Рика и замечаю его в компании двух блондинок. Одна сидит у него на коленях, а другая обнимает за шею, царапая ногтями кожу.

Я прекрасно понимаю, что сейчас нет смысла его беспокоить.

Миную гостиную и с трудом протискиваюсь сквозь танцующих людей. Настоящая вечеринка начнется, как только я зайду домой: Росс и Рэйчел уже заждались. Надо скорее узнать, был у них перерыв или нет. Хотя это довольно странно звучит, учитывая, что я смотрю этот сериал в двадцатый раз.

Как только я открываю входную дверь, меня ослепляет одна фотовспышка за другой. Папарацци накидываются на меня и окружают со всех сторон. Я даже не могу прикрыть рукой глаза, потому что кто-то из них хватается за меня, пытаюсь развернуть к себе.

– Алекс, это правда, что вы с Брайсом Максвеллом записываете совместный сингл? Ты простила его?

– Как ты прокомментируешь вчерашнюю вечеринку, на которой Максвелл был замечен в компании моделей Victoria's Secret?

– Вы отправитесь в турне вместе?

Я не могу сориентироваться. Мне в лицо суют несколько микрофонов, и все камеры направлены на меня. Вопросы про Максвелла не прекращаются.

Вот почему я перестала ходить на вечеринки – даже на те, где прессы быть не должно. Обычно я не теряюсь и сразу беру себя в руки, но сейчас я оказалась не готова к этому. Я просто хотела отдохнуть.

Но, видимо, это будет в следующей жизни.

Они всегда меня отслеживают.

Мне удастся прикрыть глаза рукой. Надо всего лишь дождаться такси, и все это закончится.

Черт возьми, Рик обещал, что их не будет!

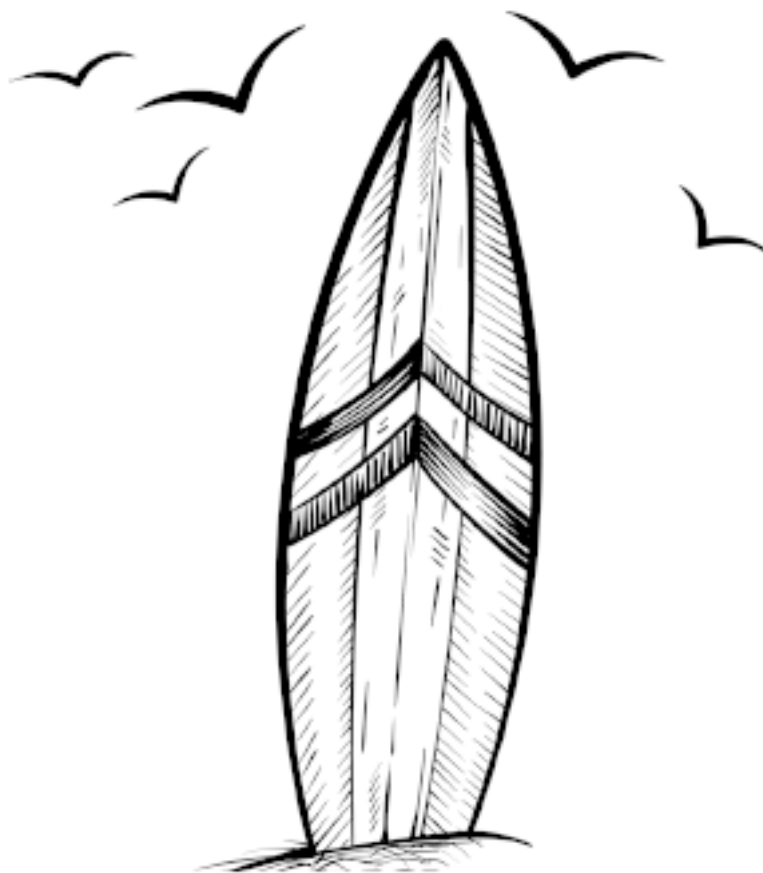
– Пойдем, – вдруг слышу я голос над своим ухом и чувствую на своей талии теплую уверенную руку.

Я оборачиваюсь и вижу парня с балкона. Обхватив меня за талию, он помогает мне протиснуться сквозь сумасшедшую толпу журналистов. Один из них сильно толкает меня в плечо, и руку пронзает острая боль. Парень подводит меня к пикапу и, открыв дверь, помогает сесть в машину.

Через мгновение он уже заводит мотор. Рев двигателя заполняет пространство салона. Фотовспышки слепят нас, но парень, не обращая внимания на рой надоедливых журналистов, с пробуксовкой выезжает с подъездной дорожки.

– Думаю, ты еще не успела поймать моего голубя. Я Кэмерон, – он дерзко улыбается и мчится по склону.

Глава 4

Кэмерон

Незнакомка вытаскивает из сумки телефон, смотрит на экран и, выругавшись, кладет его обратно.

За те пятнадцать минут, что мы провели вместе в машине, она не проронила ни слова. Она то и дело оглядывается. Видимо, хочет убедиться, что эти ненормальные не преследуют нас.

Я понятия не имею, кто она такая и чего эти стервятники хотели от нее. Честно признаться, я хотел сесть в пикап и отправиться к океану, чтобы поплавать на доске. Все же покаяться в тишине, да еще и ночью не так часто удается. Крис, как надоедливая тетушка, преследует меня на каждом шагу. И я был рад, когда блондинка с пляжа завладела его вниманием.

К тому же это способ скоротать ночь. После нескольких часов на доске до рассвета останется не так много времени на бредовые мысли, которые лезут в голову.

Но первое, что я увидел, когда вышел – растерянная девушка и куча стервятников вокруг нее, желающих урвать свой кусок.

Был ли у меня выбор? Конечно, нет.

Хотя, надо признаться, незнакомка и сама была рада уйти от обезумевшей толпы.

Мы подъезжаем к городу. Улицы ярко освещены. Один бульвар сменяется другим. Я просто еду по городу и не представляю, куда ее везти.

Огни ночного мегаполиса мелькают на ее лице, отбрасывая блики на серо-голубых глазах, так враждебно посмотревших на меня, стоило мне появиться на балконе. Русые волосы спадают с плеч мягкими волнами, а пухлые губы напряженно сжаты.

Весь ее вид кричит о недовольстве.

Закрыв глаза, незнакомка откидывает голову на сиденье и, тяжело выдохнув, подносит руки к лицу.

Только сейчас я замечаю, что одна лямка ее платья порвана.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Открыв глаза, она поворачивается ко мне.

Я киваю на ее одежду.

Опустив взгляд на плечо, девушка хмурится и накидывает кожаную куртку.

– Иногда я жалею обо всем этом, – бормочет она. – Спасибо тебе огромное. Обычно я не теряюсь среди журналистов, но сегодня не была готова к такой встрече.

– Побочный эффект славы?

– Вроде того. В последнее время они как с цепи сорвались.

Я не спрашиваю, что это значит. У знаменитостей свои правила жизни.

– Почему же тогда твой парень тебя не спас?

– Рик не мой парень, но это хороший ход, чтобы узнать статус моих отношений.

Я смеюсь.

– Мне совершенно все равно, каков твой статус. Но позволить разъяренной толпе журналистов разрывать своего друга на части – не лучший поступок.

– Я взрослая девочка и могла справиться сама, – фыркает она.

– Конечно.

Приди я на минуту позже, и от ее платья не осталось бы и следа, но я держу это замечание при себе.

– Куда тебя отвезти?

– Не уверена, что около дома меня не ждет повторение сегодняшнего вечера.

– Можешь переночевать у меня.

Ее удивленный взгляд заставляет меня рассмеяться.

Можно подумать, что я и правда маньяк, как она говорила на балконе. Или обезумевший фанат.

– Успокойся, у меня достаточно места.

– Пожалуй, я останусь у своего менеджера.

Понятно. Значит, она звезда достаточно высокого уровня, раз у нее есть менеджер. Вот только как она попала на ту вечеринку, далеко не соответствующую ее статусу?

Она весь вечер слонялась по дому и смотрела на всех нас так, будто мы делали что-то за гранью ее понимания.

Пущенная по кругу сигарета удивила ее не так сильно, как спутница Криса, настолько подавленная его природному очарованию, что еще немного – и отдельная комната им бы уже не понадобилась.

Надо будет завтра разузнать у друга, кто такая эта незнакомка.

Телефон в ее сумочке начинает звонить.

– Алан, я сейчас приеду к тебе. Нет, ничего особенного. Просто я сомневаюсь, что журналисты оставили меня в покое. Хорошо, скоро буду, – отвечает она и, покосившись, смотрит на меня.

Девушка говорит очень быстро. Я заметил эту особенность еще на балконе. Либо она боится куда-то опоздать и все делает очень спешно, либо просто хочет отвязаться от меня.

Видимо, сегодня я работаю таксистом.

Я включаю магнитолу. Салон заполняет негромкий голос Вилли Нельсона.

Мне двадцать три года, и я слушаю кантри музыку. Да, я существую. В свое оправдание могу сказать, что я вырос на небольшом ранчо в Техасе. Каждый день на протяжении семнадцати лет я слушал Вилли и других исполнителей, пока объезжал лошадей и помогал вместе с братом отцу по хозяйству.

Эми, моя бывшая девушка, часто шутила, что я уже в пять лет стал стариком. И, судя по взгляду девушки в моей машине, она была права.

– Серьезно? Вилли Нельсон? – она не сводит с меня глаз.

– Как видишь. Чем плох Вилли?

– Ты себя видел? Гора мускулов и кантри музыка. Ты меня разыгрываешь?!

– Пролитай пару песен и убедись сама.

– У тебя вкус пенсионера.

Я смеюсь и подхватываю песню Вилли. Незнакомка закатывает глаза, но при этом ее пальцы отбивают ритм песни. Она делает это профессионально: иногда постукивая ногой и прихлопывая ладонью.

С чувством ритма у нее нет никаких проблем.

– Видимо, Вилли не так плох, – замечаю я.

– Ничего не могу с собой поделать – когда я слышу музыку, то не могу удержаться.

Впервые за все это время она улыбается, а ее взгляд смягчается. Вилли всегда работает безотказно.

– Куда тебя отвезти? – повторяю я свой вопрос.

Она называет адрес в Западном Голливуде. В основном там живут знаменитости и те, у кого хватает денег, чтобы содержать огромный дом и кучу прислуги.

Свернув с главной дороги, объезжаю несколько домов и направляюсь в другой конец города.

Она так и не сказала, как ее зовут. У нее есть менеджер, толпа диких фанатов и обезумевших журналистов. Но при этом я понятия не имею, кто она такая. Мой вопрос насчет имени девушка каждый раз игнорирует.

– Чем ты занимаешься? – спрашиваю я.

– А какие будут варианты?

Боже, что за тайны? Но это только подогревает интерес, поэтому я решаю пойти методом исключения. В конце концов, в Голливуде каждый второй является звездой.

– Для модели ты слишком миниатюрная.

– Отменный комплимент, – замечает она.

– Если бы я сказал, что ты коротышка, вот тогда это был бы отменный комплимент. А так это констатация факта: ты отлично подходишь.

– Позволь уточнить, для чего? – она складывает руки на груди и заинтересованно смотрит на меня.

– Ты идеально поместишься в моих объятьях.

Она громко смеется.

Самоуверенный? Конечно.

Но ей это нравится.

– Этому тебя научил Вилли? – продолжая смеяться, спрашивает она.

– Вилли научил меня тому, что всем нравятся его песни. Можешь не отрицать, ты даже подпевала.

– Возможно. Но все же у тебя отстойный музыкальный вкус, – поддразнивает она.

То, что я не могу назвать ее по имени, меня даже не напрягает.

Она дерзкая и за словом в карман не полезет. Уверенный взгляд и гордая осанка показывают внутренний стержень. И если изначально она показалась мне заносчивой, то сейчас от этих мыслей не осталось и следа.

– Ты знаешь мое имя, сидишь в моей машине и слушаешь Вилли. А это очень личное. Не хочешь говорить, как тебя зовут – хорошо. Но Расскажи хотя бы чем занимаешься, пока мы едем. Или можешь излить душу незнакомцу. Почему журналисты слетели с катушек?

Она впиается в меня взглядом, словно ища какой-то подвох в моем вопросе. Но его нет. Лучше мы будем говорить, чем сидеть в удушающей тишине.

Девушка отводит взгляд и, отвернувшись к окну, шумно выдыхает.

– Я рассталась с парнем, и теперь за каждым моим шагом следят с удвоенным вниманием, – произносит она после минутного молчания. – Честно говоря, я уже забыла, когда спокойно гуляла по городу. Они умудряются достать меня на каждом углу, – в ее голосе сквозит горечь.

– Твой парень – знаменитость?

– Вроде того.

Я заметил, как ее голос дрогнул, когда она говорила о нем, а глаза при этом стали грустными.

– Наша работа взаимосвязана, а после разрыва все просто сошли с ума, – на ее губах появляется легкая ухмылка. Она качает головой и, заправив прядь волос за ухо, поворачивается ко мне. – Я с самого начала боялась начинать эти отношения. Два популярных человека не могут быть вместе. Расстояние возьмет свое.

– Хочешь сказать, что он изменил только потому, что вы часто были в разъездах?

Она не говорила о причине разрыва, но, судя по ее рассказу и горечи в голосе, я попал в точку.

– Думаю, это стало одной из причин, – тихо отвечает незнакомка.

– У меня есть убеждение, – говорю я, сбавив скорость, когда мы почти подъехали. – Если ты любишь человека, то ни расстояние, ни другие обстоятельства не могут заставить тебя его предать. Если бы он ценил то, что было между вами, то, думаю, сегодня тебе не пришлось бы отбиваться от этих стервятников.

– Ты понятия не имеешь, что происходило между мной и Брайсом, – отвечает она более резко.

Ее взгляд становится жестче, а губы плотно сжимаются.

– Ты права, – я подъезжаю к огромному особняку и паркуюсь у железных кованых ворот. – Я не знаю, как и что у вас было. Я даже не знаю, кто ты такая. Но поверь: как бы тяжело ни было на расстоянии, мне бы и в голову не пришло искать тепло там, где по окончании будет ждать одна пустота. Мимолетное увлечение – лишь отговорка.

Она сжимает в руках сумочку и пристально смотрит на меня.

Наверняка хочет сказать, чтобы я не лез не в свое дело. Но почему-то мне кажется, что внутри нее идет борьба: либо согласиться со мной, либо вновь искать оправдание.

Она отводит взгляд и задумчиво смотрит на свои пальцы. Только сейчас я замечаю кровоподтеки на некоторых из них.

Выключив фары, смотрю на дом. Даже издалека я вижу, что он обставлен вычурно и стильно. Есть богатые дома, в которых живут люди, знающие цену деньгам, а есть те, которые с помощью денег хотят показать свою значимость.

– Спасибо, что помог и подбросил, – говорит девушка значительно мягче, чем еще пять минут назад.

– Обращайся, – подмигиваю ей.

Она берет сумочку и открывает дверь.

– Прощай, Кэмерон.

Незнакомка выходит из машины и почти захлопывает дверь, когда я спрашиваю:

– Как тебя зовут?

Она слегка улыбается и заправляет прядь светло-русых волос за ухо.

– Надеюсь, у тебя никогда не будет отговорок.

Захлопнув дверь и на мгновение задержав взгляд на моем лице, она разворачивается, набирает код на замке ворот и заходит внутрь.

Я остаюсь смотреть, как ей открывает мужчина в черных брюках и белой рубашке. Он обнимает ее за талию и, поцеловав в лоб, заводит в дом.

Бросив на меня нахмуренный взгляд, он закрывает дверь, и загадочная незнакомка оказывается для меня недоступной.

Сдав назад, я не спеша отъезжаю.

«Надеюсь, у тебя никогда не будет отговорок», – вспоминаю я ее последние слова.

У меня есть убеждение, но я не говорил, что следую ему. По крайней мере, не так, как ее бывший.

Глава 5

Кэмерон

Волна накрывает меня с головой и утаскивает на дно своей тяжестью. Я успеваю сделать вдох прежде, чем легкие заполняет соленая вода. Меня несколько раз переворачивает в круговороте морской пучины. Я позволяю продлиться этому моменту чуть дольше, чем нужно. Позволяю стихии взять верх. Она затягивает меня своими путами и пленяет. Показывает, что она победила, и требует от меня повиновения.

Я хочу почувствовать, как адреналин заиграет по венам, заставит кровь кипеть. Хочу почувствовать, как от нехватки кислорода закружится голова, а затем жадно хватать ртом воздух.

Но испытываю лишь малую часть этого. Лиш¹ тянет меня за ногу к доске, и я всплываю. Активно гребу, мышцы напряжены, сердце отбивает привычный быстрый ритм.

Очередная попытка заставить кровь гореть в моих венах не удалась.

Выйдя на берег, хватаю доску и, стряхнув с волос воду, провожу ладонью по лицу. Солнце приятно слепит глаза и греет тело.

Дохожу до машины и, положив доску в багажник, сажусь рядом.

Лос-Анджелес.

Я снова в Городе Ангелов после года отсутствия.

Город вечного движения и парадоксальной погоды. Прямо сейчас ты можешь кататься на доске по волнам, а уже через пару часов рассекать на сноуборде в горах.

Но это мне и нравится – можно найти что-то свое.

Хотя ты можешь и сбежать, возвращаясь лишь раз в год, чтобы почтить память.

– Ты псих! – кричит мне Крис.

Друг выходит из океана и направляется в мою сторону, показывая всем своим видом, что он жутко недоволен моей выходкой на доске. Подойдя к машине, он ставит ее на песок, облокотив на заднее крыло своего внедорожника.

Я усмехаюсь, достаю банку «Доктора Пеппера» из мини-холодильника и кидаю Крису, а другую беру себе.

– Кэм, когда-нибудь твоя жажда адреналина погубит тебя.

Он откидывает со лба длинные русые волосы и хмуро смотрит на меня.

– Да брось; ты считаешь, что небольшая волна может мне навредить? – беззаботно бросаю я.

Серфинг в Лос-Анджелесе хороший, но он не сравнится с Португалией и той мощью, которая исходит от волн Атлантического океана. Здесь я с закрытыми глазами покоряю гребень волны, вхожу в трубу, и при этом мое сердце продолжает спокойно биться. Я знаю, что выйду из этой битвы победителем.

Но Назаре... Там стихия берет верх. Она не спрашивает твоего мнения. Она всегда главная и требует к себе уважения. Ты всего лишь гость, и только океану решать – выйдешь ты из него или нет.

Крис недовольно качает головой.

– Ты сумасшедший, – заключает он.

– Для тебя это новость?

¹ Страховочный трос.

Фыркнув и открыв алюминиевую банку, он делает несколько жадных глотков.

Мы с Крисом дружим с детства. Участки наших родителей находятся по соседству, так что как только мы научились ходить, то стали неразлучной парочкой, влипающей в разные неприятности. Точнее, я всегда втягивал Криса в очередную переделку, и если нас ловили, то он стойко принимал наказание вместе со мной. С самого детства мы с ним не отставали от Трэвиса, моего старшего брата, и следовали за ним по пятам. Он всегда смотрел на мир иначе, и ему было мало одного ранчо. Именно благодаря ему мы захотели чего-то большего, того, что скрывается за пределами штата Техас. Поэтому, когда нам исполнилось по семнадцать, а Трэвису – девятнадцать и перетаскивание сена встало нам поперек горла так, что это начало сводить с ума, Крис собрал вещи и сбежал вместе со мной и братом.

Считается, что экстремалы не испытывают страха. Мы подвержены страсти, порыву пощекотать нервы, но в целом сохраняем трезвость ума.

Крис относится к той категории людей, что предпочитают всегда держать ситуацию под контролем. Я могу по пальцам одной руки пересчитать, когда он не обдумывал свой заезд, а, к примеру, как Трэв, брал доску и бросался в океан.

И я могу с уверенностью сказать, что Крис Уитакер – пожалуй, единственный человек, который без раздумий бросится мне на помощь, даже если его самого будут ждать неприятности.

Но отчасти Крис прав. Я псих и сам иду к смерти в объятья.

Он сел рядом, и багажник пикапа качнулся под нашим весом.

– Я договорился с Тони насчет прыжков. На время нашего пребывания в городе один из самолетов зарезервирован за нами. Так что завтра с утра можем отправляться.

– Поверить не могу, что он так легко согласился, – Крис допивает свою банку и сминает ее о край багажника.

– За ним должок, – вытаскиваю еще одну и протягиваю ему.

Тони владеет одним из клубов, занимающихся организацией экскурсий и прыжков с парашютом. Когда мы впервые оказались в Лос-Анджелесе и еще ничего здесь не знали, а тело требовало острых ощущений, мы обратились в его клуб. Однажды с нами отправились новички, и у одного из них стропила парашюта запутались между собой. Парень дико запаниковал. Да и как может быть иначе, когда твоя жизнь зависит от одного мгновения? Мы с братом быстро сориентировались и помогли ему. Но все могло закончиться трагедией и, соответственно, проблемами для Тони.

Поэтому он всегда пускает нас на свою территорию, когда мы в городе.

Правда, после этого удача показала мне средний палец.

Отбросив эти мысли, я спрыгиваю на песок и натягиваю майку.

– Вчерашняя вечеринка удалась. У меня голова все утро гудела, – Крис растягивает губы в довольной улыбке.

Я смеюсь.

Она удалась именно потому, что наутро мой любезный друг ничего не помнит.

Но тусовка и правда прошла отлично. Один из друзей Криса – какой-то богатенький сынок, увлекающийся серфингом только из скуки, – решил влиться в нашу сумасшедшую компанию и устроил вечеринку. Наверняка если завтра он захочет заняться чем-то другим, то без сожаления оставит этот спорт и уже завтра не вспомнит о нем.

– А что за девушка была на вечеринке? – спрашиваю я, вспоминая вчерашний вечер. – Русые волосы, черное платье и куча журналистов?

Крис беззаботно пожимает плечами.

– Понятия не имею, о чем ты, я отключился на пляже вместе с какой-то девчонкой.

Вчерашняя незнакомка все не выходит из моей головы. А точнее, ее загадочность и нежелание назвать свое имя.

– А что, она симпатичная?

– Вроде того.

Симпатичная... Она красотка! Но это не типичная красота местных девушек: нет накачанных губ, стервозности в глазах и стремления найти и соблазнить того, кто поможет подняться по карьерной лестнице. Мы ведь в Лос-Анджелесе. Здесь все зависит от связей.

Но незнакомка так и осталась для меня загадкой, скрывшейся за коваными воротами особняка.

– Могу поспрашивать у ребят, если она так сильно тебя заинтересовала.

– Ни к чему. Это же Город Ангелов: вряд ли мы еще увидимся.

Крис спрыгивает с багажника, и я закрываю его.

Он берет доску и закрепляет ее на крыше своей машины.

– Насчет вечера все в силе? Я надеюсь с кем-нибудь познакомиться на этом концерте и сделать так, чтобы твое кислое выражение лица наконец-то изменилось на что-то более приятное, – самодовольно заявляет он.

Как оказалось, хозяин вчерашней вечеринки предложил Крису пару билетов на закрытое выступление популярной группы. Надо ли говорить, что Уитакер не раздумывая согласился?

– Можно подумать, у меня есть выбор. Если я не пойду, ты снова будешь торчать у меня в трейлере. Временами ты мне очень напоминаешь свою маму, – подхожу к нему и помогаю закрепить трос, чтобы доска не свалилась.

– Я такой же очаровательный? – на его губах появляется довольная улыбка.

Крис хлопывает по крыше машины и спрыгивает на землю.

– Пусть будет так, но это только потому, что я очень люблю миссис Уитакер.

– Думаю, ей будет это приятно услышать, – он собирает волосы в хвост. – Поехали куда-нибудь перекусим. Мне кажется, я готов съесть слона.

– Нет. Мне надо проверить снаряжение, – отворачиваюсь к пикапу и, взяв кепку, надеваю ее козырьком назад.

Крис вдруг хмурится и переводит на меня встревоженный взгляд.

– Слушай, Кэм, давай проведем пару недель без происшествий, выиграем соревнования, а потом отправимся дальше?

– Я смотрю, ты уверен в победе.

Он не сводит с меня пытливого взгляда, давая понять, что ждет моего ответа.

Было бы неплохо, если бы близкие мне люди перестали бояться, что я сделаю что-нибудь выходящее за грань их понимания. За последний год я порядком устал от пристального внимания друзей.

– Мы вроде так и планировали, – я пожимаю плечами. – Я заеду к Тони и все обговорю насчет завтрашних прыжков.

Не давая другу возможности развить свою мысль, я запрыгиваю в свой пикап и отъезжаю с пляжа.

В зеркало заднего вида замечаю, как он продолжает смотреть мне вслед. Прибавляю газу, выезжаю на главную дорогу и направляюсь подальше от города.

Если бы не соревнования, я бы не вернулся сюда. Наплевал бы на все и отправился на другой конец света, чтобы заставить себя прожить еще один день в глупых попытках показать миру, что все отлично. Что жизнь продолжается. Что завтрашний день ничем не отличается от остальных.

Но я обязан. Обязан почтить память брата и доказать, что он жив. Он обожал серфинг и никогда не пропускал ни один заезд. Если бы его поставили перед выбором: посмотреть на очередное чудо света или покорить волну, то он бы не раздумывая выбрал второе. И я не могу позволить себе пропустить соревнование.

Нажав на педаль газа, я несусь по холму.

Лос-Анджелес – прекрасный город. Серфинг. Солнце. Тихий океан. Незнакомые девушки, которые отказываются называть свое имя, что очень странно, если учесть тот факт, что мы действительно больше не увидимся.

Но для меня этот город является напоминанием о том, что жизнь может измениться за доли секунды. Хотя ты продолжаешь жить: покоряешь волны, в очередной раз прыгаешь с парашютом и позволяешь воздуху направлять себя. Ты будешь чувствовать адреналин, смеяться с друзьями, ходить на вечеринки, бросать вызов стихии и, если она позволит, побеждать ее.

Город Ангелов – это напоминание о том, что в один прекрасный момент все может оборваться. Именно поэтому я рискую из раза в раз. Я хочу почувствовать жизнь.

Я взбираюсь на холм и подъезжаю к кемпингу, в котором мы расположились с друзьями. Точнее, я. Они предпочли снять коттедж, я же, как всегда, верен своему дому на колесах.

Терпеть не могу спать в четырех стенах. Они словно давят на меня. А так я сам себе хозяин. Могу спать на берегу океана, в пустыне, под звездным небом – и все это принадлежит только мне.

Так я чувствую себя свободным.

Глава 6

Алекс

Отбиваю барабанную дробь и подкидываю палочку в воздух. Выступление подходит к своему фееричному завершению. Я продолжаю задавать ритм. Мембраны барабанов гудят от каждого удара. Я чувствую, что они на пределе – точно так же, как и каждый человек, находящийся в зале.

Тысяча человек – это далеко не максимум. Мы собираем стадионы. Фанаты кричат так сильно, что, наверное, на следующее утро не могут говорить. Но я каждый раз радуюсь этому, как ребенок на Рождество.

С каждым ударом я сливаюсь с установкой.

Один удар отзывается в сердце. Следующий – заставляет кровь кипеть.

Дыхание перехватывает, когда настает мое время – барабанное соло.

Тайлер, наш солист, направляет на меня гриф гитары и дает понять, что я должна разжечь еще больший огонь.

А мне это совершенно ничего не стоит.

Я обожаю заводить толпу. Слышать, как она скандирует мое имя. Обожаю не чувствовать своего сердца, потому что оно выскакивает из груди и всецело принадлежит этим мгновениям.

И я, черт возьми, люблю эту жизнь, какой бы отстойной временами она ни была.

Я знаю, что после выступления мои пальцы будут болеть и местами кровоточить, на внутренней стороне бедра наверняка останется небольшой синяк от нижнего барабана.

Но это того стоит.

Это чистейший кайф.

Кто-то из ребят принимает наркотики, чтобы еще больше обострить чувства. Мне же этого не требуется. Когда я вижу тысячи людей, которые приходят на наши концерты, каждый мой нерв напрягается до предела.

Когда-то я мечтала быть на месте любимого музыканта. Сейчас же я сама им являюсь.

А от осознания того, что я управляю этими людьми, сердце так сильно бьет по ребрам, что иногда кажется, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Капли пота скатываются по спине и вискам. Волосы прилипают к лицу, а макияж наверняка потек.

Тай кричит толпе, как он их любит, и я смеюсь. Своим глубоким голосом он заставляет девчонок забывать о том, что они пришли сюда с парнями. Марк падает на колени, отыгрывая гитарное соло, а Рик, откинув голову назад, усиливает басы.

На последних аккордах песни все прожектора клуба полностью повторяют мой ритм. Я последние несколько раз ударяю палочками по тарелкам, и свет гаснет.

Пытаюсь отдышаться и убираю волосы с лица.

Толпа так кричит, что я не слышу даже своих мыслей.

Выхожу из-за установки и встаю рядом с ребятами. Мы обнимаемся и кланяемся. Парни поочередно снимают с себя майки и бросают их в зал на растерзание девчонкам. И, наверное, этот момент становится самым фееричным, потому что те начинают дико кричать и пытаются вырвать вещь кумира друг у друга.

Мы покидаем сцену и проходим по узкому коридору в гримерку. Я кладу палочки на стол и открываю бутылку с водой. Горло ужасно пересохло за время концерта. Делаю несколько жадных глотков.

– Это было потрясающе! – вскрикивает Тайлер, наш солист.

Я вижу, как энергия бьет из него ключом. Он то и дело подпрыгивает, и они с ребятами дают друг другу «пять».

Утомление едва позволяет мне стоять на ногах.

Меня словно выжали, но адреналин в крови не дает мне упасть.

Даже сейчас, сквозь закрытые двери гримерки, я продолжаю слышать безумные крики фанатов.

– Мне срочно надо выпустить всю энергию! – возбужденно говорит Марк.

Не уверена, что наш гитарист не принял допинг, о котором говорил Алан. Но, черт возьми, мы отлично отыграли!

Я поправляю растекшийся макияж. Впереди нас ждет вечеринка, общение с поклонниками и знакомство с людьми, которые могут стать одними из спонсоров предстоящего турне, как выразился наш менеджер.

Ребята уже выпили по паре бутылок пива. Мы выходим из гримерки и устремляемся в зал. Сейчас там остались только те, кто купил билеты в ВИП-зону, и те, с кем надо наладить контакт.

Мы фотографируемся с фанатами и раздаем автографы.

Замечаю Алана у барной стойки в своем неизменном деловом костюме. Я уже упоминала, что, когда вопрос касается нашей карьеры, этот мужчина становится хуже акулы. Сейчас его хитрая и чересчур льстивая улыбка говорит о том, что в ближайшее время нас ждет череда выступлений.

Беру у проходящего мимо официанта бокал с шампанским и делаю глоток. Ребята уже поглощены общением с поклонниками. Мое возбуждение понемногу спадает, поэтому я подхожу к другому концу барной стойки и сажусь на стул.

Смотрю на свои пальцы: местами на них остались кровоподтеки от палочек. Провожу по ним кончиком пальца другой руки. Игра на барабанах нелегко дается. Порой я даже не замечаю, как сильно сжимаю палочки во время выступления, и потом на моих руках появляются синяки.

Сладкая боль.

В кармане вибрирует телефон и, взяв его в руки, вижу на экране номер сестры. Решаю ответить потом: сейчас я ничего не услышу, да и наверняка она звонит попросить денег.

С тех пор, как я стала известной, я полностью содержу свою семью. Я не против. Ведь это именно то, к чему я шла. Но в последнее время Рэйчел общается со мной только тогда, когда ей нужна моя помощь.

Я одна захотела выбраться из этой нищеты. А вот сестра предпочла оставить все как есть и связать свою жизнь с парнем, который тянет ее вниз.

Допиваю свой бокал и прошу бармена налить мне минералки.

Если завтра нас ждет выступление, то лучше быть в трезвом уме.

– Алекс! – кто-то выкрикивает мое имя.

Я оборачиваюсь, и от звука этого голоса меня пробивает озноб.

За моей спиной стоит Брайс Максвелл.

Это насмешка судьбы?

Он подходит ко мне в обнимку с моделью. В последнее время Брайс связывается с девушками, у которых ноги длиннее, чем мой собственный рост, грудь как минимум третьего размера, а укладка не дешевле пятисот баксов.

На лице Брайса появляется смехотворная улыбка, когда он понимает, что я сейчас хочу и не могу сделать.

А именно – залепить ему пощечину.

«Сцены на людях не принесут высоких рейтингов, милая», – напомнил как-то Алан.

Волосы этого мерзавца уложены гелем. Он продолжает сверкать улыбкой, являясь в образе рок-звезды, который, на минуточку, получил благодаря мне.

Всем своим видом он пытается показать, что он – настоящий король сцены.

С чем в данную минуту я могла бы поспорить.

– Отличное выступление, – замечает Брайс.

– Благодарю, – отвечаю я, выдавливая из себя улыбку.

– Знакомься, это Кендис, – он крепче обнимает талию девушки рукой.

Я едва не рассмеялась им в лицо. Кендис. Надеюсь, у нее в голове больше мозгов, чем было у меня, когда я с ним связалась.

– очередной фальшивый роман? – не могу удержаться от сарказма.

– Фальшь осталась в прошлом, – отвечает он тем же.

«Козел!»

Я на грани того, чтобы послать соглашение с Аланом к черту.

Судя по отсутствующему взгляду Кендис, насчет ее интеллекта я ошиблась. Девушка даже не поняла моего предупреждения о намерениях этого мерзавца.

Максвелл оглядывает меня с ног до головы, и в его взгляде есть что-то гадкое, то, что заставляет меня почувствовать себя еще хуже. Такое ощущение, что меня измазали самым дешевым желе, и теперь мне нестерпимо хочется от него отмыться.

Брайс без зазрения совести предал меня и пошел дальше. Рассказывал на каждом углу, как он боялся мне признаться, что наши отношения подошли к концу, и строил из себя жертву. Каждая статья заканчивалась словами: «У Максвелла очередной роман. Брайс был замечен в машине с девушкой. А что же Дэниелс?»

А я сижу одна.

Я никогда не страдала заниженной самооценкой и не была обделена мужским вниманием, но сейчас я одна, и мне хочется утереть Брайсу нос. Чтобы он понял, что на нем свет клином не сошелся.

– Детка, вот ты где.

Ко мне подходит высокий парень и, приобняв за талию, целует в висок.

Я теряюсь и перевожу на него изумленный взгляд. Это шутка, что ли? Какая еще детка? Я хочу открыть рот, чтобы возразить, но он лишь сильнее сжимает мою талию.

Его пальцы уверенно поглаживают мою спину, а в глазах столько нежности, будто мы и правда пара. Не знаю, у кого сейчас более удивленный взгляд: у меня или у Брайса.

Господи боже, неужели этот парень видел эту унижительную сцену?

Я смотрю на него, и его лицо кажется мне смутно знакомым.

Точно! Вчерашняя вечеринка.

Мой мозг пытается судорожно вспомнить его имя.

Паркер? Клинт? Майк? Только бы не погореть на собственной лжи.

– Привет, я Кэмерон. А ты...? – парень протягивает Брайсу руку.

Кэмерон. Точно.

Мой бывший теряется. Ведь он не привык, что его не узнают.

– Брайс Максвелл, я...

– Приятно познакомиться, Брайс, – обрывает его Кэмерон. – Но ты не против, если мы останемся наедине? Моя малышка отыграла такой потрясающий концерт, и я дико по ней соскучился.

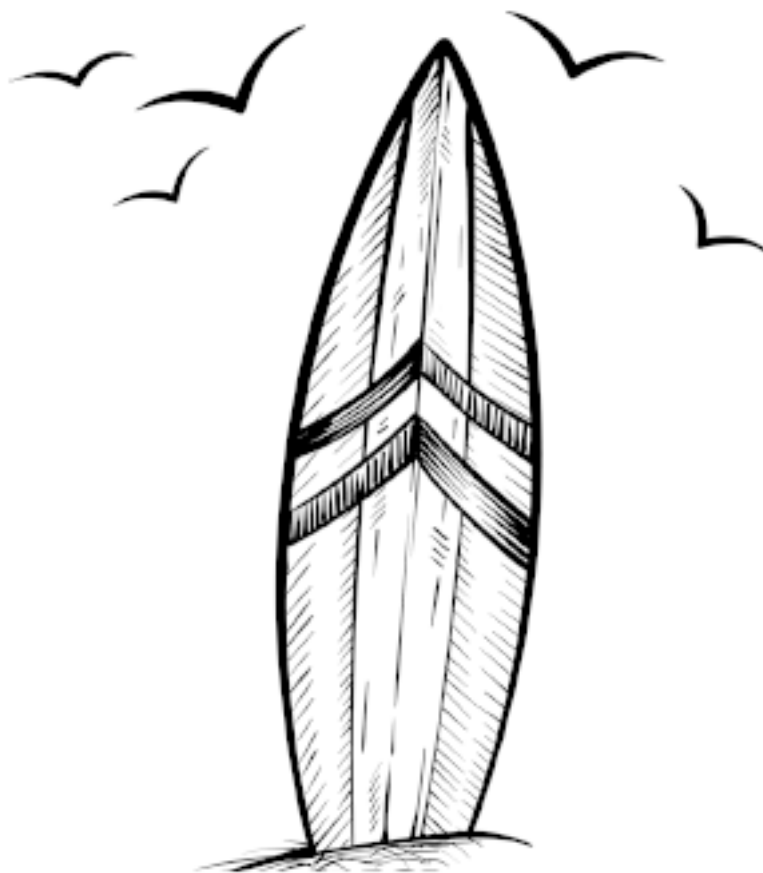
Дальше все происходит словно в замедленной съемке. Кэмерон наклоняется ко мне, его лицо буквально в десяти сантиметрах от моего. Во взгляде невысказанный вопрос: «Можно?»

Наверное, я спятила, раз все еще не послала этого парня и не дала пощечину Максвеллу. Но я также понимаю, что не могу развернуться и уйти после того, как поддержала игру Кэмерона.

Его рука скользит по моей шее, нежно поглаживая ее большим пальцем. И когда между нашими губами остается пара сантиметров, я едва уловимо киваю и позволяю себя поцеловать.

Раз судьба подкинула мне такой шанс, так почему бы им не воспользоваться?

Глава 7

Кэмерон

Не знаю, как далеко я зашел в нашей игре, но девушка отвечает на мой поцелуй. Чувствую, как она кладет ладони на мою грудь, а затем, притянув меня ближе, обвивает шею. Алекс приоткрывает губы, пропуская меня, и я нежно обвожу ее нижнюю губу языком.

Алекс.

Теперь я знаю, как ее зовут. Толпа весь вечер скандировала ее имя. На протяжении двух часов я наблюдал за тем, как она разрывала зал, сводила с ума и не давала ни малейшего шанса отвлечься от нее. От ее игры исходила сумасшедшая энергия. Она жонглировала палочками, крутила их, подкидывала и заставляла все вокруг подчиняться ее ритму.

Точно так же, как и сейчас.

Наши губы двигаются навстречу друг другу, ее теплый язык мягко скользит по моему, а руки все сильнее притягивают к себе. Мои пальцы утопают в ее волосах, от которых исходит приятный карамельный аромат. С губ девушки срывается слабый стон, который я ловлю своими губами, все крепче сжимая ее в объятиях.

Понятия не имею, когда нам нужно остановиться, но Алекс не против.

Она отстраняется лишь на мгновение, чтобы посмотреть на меня затуманенным взглядом и перевести дыхание. Я убираю прядь волос с ее лица и нежно поглаживаю щеку.

Кто бы мог подумать, что этот вечер закончится таким образом.

Нежно целую губы девушки и нехотя отстраняюсь.

Мы все еще в игре, и надо показать этому засранцу, что победителем из этой игры он точно не выйдет.

Я провожу кончиком носа по ее щеке, оставляю легкий поцелуй на виске и тихо шепчу:
– Ты была великолепна.

Она смотрит на меня из-под опущенных ресниц. Ее дыхание сбито, а руки крепко обнимают меня за шею.

Рядом с нами раздается покашливание.

– Кхм, Алекс, не знал, что у тебя кто-то появился, – недовольство в голосе Брайса трудно не заметить.

Девушка закусывает губу, и ее взгляд проясняется. Она поправляет волосы, а затем берет меня за руку и переплетает наши пальцы. Свободной рукой я уверенно обнимаю ее за талию и слегка придвигаю ближе к себе, чтобы она могла облокотиться на мою грудь спиной. Если нам надо довести эту игру до конца, то сделаем это как можно правдоподобнее.

– А ты бы предпочел, чтобы моя жизнь вертелась вокруг тебя? Спешу огорчить – ты остался в прошлом, Брайс, – она пожимает плечами. – Так же, как и вся твоя фальшь.

Его рука падает с талии блондинки, и мне кажется, что он уже совершенно не думает о ней. Он сжимает челюсти и смотрит на меня напряженным взглядом.

Господи, парень, тебе и без меня тут ничего не светило.

Алекс спрыгивает со стула и, не выпуская моей руки, проходит мимо него, бросая:

– Надеюсь, в этот раз твой фокус не пройдет. Удачи, Кендис, – тут она посылает блондинке улыбку.

Я крепче сжимаю ее ладонь и направляюсь к выходу из клуба. Замечаю, как на нас изумленно смотрят участники группы, а также тот тип, к которому я вчера ее привез. Алекс, не отставая, следует за мной. Ее кто-то окрикивает, но она не оборачивается и лишь ускоряет шаг.

Мы выходим на улицу, и нас ослепляют вспышки фотокамер, как прошлым вечером. Обняв ее за плечи, чтобы в этот раз никто из стервятников не смог до нее дотронуться, я крепче прижимаю ее к себе. Меня несколько раз толкают в спину, желая сделать снимок, но я пробираюсь дальше. Хотя я с трудом сдерживаюсь, чтобы не послать их куда подальше.

– Алекс, это твой новый парень?

– Ты видела Максвелла? Как ты прокомментируешь его провальную сингл?

Она оглядывается по сторонам и рассеянным взглядом что-то ищет.

– Мой пикап за клубом, – пытаюсь я перекрыть этот гул.

Она кивает.

Мы ускоряем шаг и поворачиваем к парковке. Я уже вижу свою машину, но также замечаю, что с другой стороны на нас надвигается еще одна толпа журналистов.

И это она называет побочным эффектом славы? Да это же сумасшествие! Они ее готовы живьем съесть.

Открываю дверь и усаживаю Алекс в салон. Обхожу машину, прикрывая глаза от ярких вспышек.

Я не собираюсь с ними церемониться: запрыгиваю в салон и без предупреждения даю по газам. У них нет никакого инстинкта самосохранения. Один из журналистов бросается на капот и делает очередной снимок. Алекс вскрикивает и упирается ладонями в приборную панель. Я резко торможу, и фотограф падает с капота на землю.

Я не жду очередного безумного поступка, поэтому быстро разворачиваюсь и уезжаю.

Обратная сторона славы, черт возьми.

Видимо, экстремалам этого не понять – нас так никто не преследует.

Мы несколько минут едем в тишине, а потом Алекс вдруг не выдерживает и начинает смеяться.

Изогнув бровь, я удивленно смотрю на нее.

– Прости, мне тяжело это контролировать, – она вытирает слезы, выступившие из-за смеха. – Ты видел его лицо? Да он челюсть уронил, как только ты подошел ко мне. Жаль, что в этот момент нас никто не заснял.

Я усмехаюсь. Понятно, реакция бывшего может довести девушку до смеха и слез.

Что ж, надо признать, сцена и правда получилась забавная.

Я все же надеялся, что мне никуда не придется ехать с Крисом, но его не остановила даже многочасовая тренировка в океане. Прошло не больше двадцати минут после того, как он отправился к себе в домик, когда он вломился в мой трейлер и заявил, что если я никуда не еду, тогда он останется у меня. Что само по себе катастрофа: где появляется Крис Уитакер, там царит хаос из пустых пакетов и бутылок.

Теперь я, конечно, не жалею, что поехал с ним. Я и подумать не мог, что мой вечер закончится таким образом, и я вновь встречу свою таинственную незнакомку.

– Спасибо тебе огромное. Ты не представляешь, как много сделал для меня. Пока ты не подошел, моя самооценка успела опуститься на пару пунктов.

Удивленно изогнув бровь, я смотрю на Алекс.

– Серьезно?

– Нет, я не о том, что это происходит постоянно. Просто, знаешь, когда к тебе подходит бывший в обнимку с моделью, а ты сидишь в гордом одиночестве, то ты оказываешься в невыгодном положении.

Я качаю головой.

Если бы у этой модели в голове были мозги, то она бы сбежала от него, как только началась вся эта заварушка.

– А тебе не кажется, что он просто хотел самоутвердиться за твой счет?

Она небрежно пожимает плечами.

– Может, и так. Но все же приятно отплатить ему той же монетой.

Усмехнувшись, я поворачиваю к закусочной.

– Черт, прости. Я не имела в виду, что мне понравилось тебя использовать. Господи, после выступления все мысли смешались.

– Значит, тебе не понравилось меня использовать?

Я паркуюсь и, положив руку на руль, смотрю на Алекс.

На ее щеках появляется легкий румянец.

– Можем попробовать еще раз, и ты убедишься, насколько я хорош, – подмигиваю я.

– Я не сказала нет, но и не скажу тебе да, – улыбается она с огоньком в глазах. – Куда ты меня привез?

– Перекусить. Или звезда твоего уровня не ходит по закусочным?

Она фыркает и, окинув заведение насмешливым взглядом, кивает в сторону входа.

– Я выросла в Комптоне, так что обычной закусочной меня не напугать.

Алекс открывает дверь и выходит из машины.

Комптон. Seriously? Я вырос в Техасе, но даже я знаю, что это один из самых неблагоприятных районов Лос-Анджелеса.

Она полна сюрпризов.

Зайдя в кафе, Алекс выбирает самый дальний столик – видимо, чтобы нас заметило меньше народа.

– Что вы будете? – К нам подходит официантка и со скучающим видом достает из кармана фартука блокнот. – Блюдо дня – вафли с карамелью.

– Никаких вафель. Мне самый большой бургер, двойную порцию картошки фри, блинчики, побольше меда и колу, – отчеканивает Алекс с довольной улыбкой и такой быстротой, будто вся еда в этом кафе может пропасть.

Я смеюсь. По ней и не скажешь, что у нее такой зверский аппетит.

– Мне обычный бургер и картошку.

Официантка уходит.

– Не смотри так на меня. Я целый день провела за барабанами, мой желудок готов себя съесть.

– Я молчал.

– Твой красноречивый взгляд все сказал за тебя, – она подмигивает мне.

Благодаря хорошему освещению Алекс предстает теперь передо мной совсем другой – не такой, как на сцене.

На ней черные кожаные брюки и кроп-топ с тонкими лямками. Ее волосы все еще в небольшом беспорядке, что неудивительно, учитывая, как она играла. Темный макияж подчеркивает серо-голубые глаза, создавая немного стервозный взгляд, но румянец на щеках смягчает его. На ее запястьях несколько кожаных и металлических браслетов. Я замечаю на пальцах небольшие кровоподтеки.

– Игра на барабанах не дается просто так, – Алекс проводит кончиком пальца по одному из следов.

– Точно так же, как и слава, – вспоминаю я ее слова.

– Возможно.

На ее губах играет легкая улыбка.

– Алекс. Теперь я хотя бы знаю твое имя. Расскажи, как девушка из Комптона оказалась на вершине хит-парадов?

– Упорный труд, – она пожимает плечами.

Нам приносят колу, и Алекс с наслаждением делает несколько глотков.

– И все же.

Она смотрит на меня с небольшим прищуром, словно не доверяет или проверяет.

Видимо, честных людей в ее жизни нет, раз она везде ищет подвохов.

– Когда мы начинали, то нам с ребятами пришлось делить комнату, которая по размерам меньше, чем туалет в этой закуской. Ни одна студия не хотела рисковать и брать никому не известных музыкантов. К тому же сейчас слушатели предпочитают попсу, рэп, но никак не рок. Представь, что ты вкладываешь кучу денег в раскрутку группы, а это приносит лишь убыток.

– И вы вытащили счастливый билет.

– Не совсем так. Скорее, мы вытащили друг друга из грязи.

– Вы... это ты и Брайс?

– Что? Нет конечно! – восклицает она.

Одно упоминание о нем – и ее глаза вспыхивают злобой.

Сильно же задел ее этот засранец.

– Мы – это группа и Алан, наш менеджер. Он в то время не пользовался особым спросом.

Официантка подходит к нашему столику и ставит заказ. Алекс пододвигает к себе тарелку и, не дождавшись, пока девушка уйдет, берет картошку фри, макает ее в кетчуп и, закрыв глаза, выпускает стон. Я еще никогда не видел, чтобы человек ловил такой кайф от еды.

– Господи, это лучше, чем секс, – выдыхает она.

Я давлюсь колой. Видимо, это не предназначалось для моих ушей, потому что щеки девушки тут же покрывает яркий румянец. Только сейчас я замечаю на ее лице веснушки, скрытые под макияжем.

– Ты сравниваешь секс с едой? – я пытаюсь сдержать смех.

– Когда его не было несколько месяцев? Да! – без промедления отвечает она.

Мы мгновение молчим, а потом начинаем громко смеяться. Алекс заразительно улыбается, берет картошку фри и кидает в меня, явно пытаясь скрыть свое смущение. Похоже, она больше не боится, что нас могут заметить, а может, ей теперь все равно.

В конце концов, если стервятники объявятся, мы можем снова убежать.

Она перекидывает волосы на плечо и делает глоток колы.

– А как ты познакомилась с «мистером рок-звездой»?

Алекс хихикает. Трудно не заметить, что этот парень пытается строить из себя звезду мирового масштаба. Он – один из тех людей, которые ничего не видят дальше своего носа.

Макнув картошку в кетчуп, Алекс рисует ей узор на тарелке.

– Брайс ошивался около меня несколько месяцев. Я думала, что действительно нравлюсь ему. Может, конечно, изначально так оно и было, но, вспоминая, в каком положении он был в то время и на каком уровне находились мы, я начинаю в этом сомневаться.

Я вновь слышу горечь в ее голосе.

Теперь понятно, почему она ищет подвох в каждом моем слове. Ее все предают.

Вот она, обратная сторона славы: ты знаменит на весь мир, но при этом чертовски одинок.

– Не хочу портить вечер воспоминаниями об этом неудачнике, – она откусывает бургер.

Пожалуй, она права, не стоит портить этот вечер. К тому же сейчас она получает такое удовольствие от бургера, что мне совсем не хочется портить ей настроение, продолжая расспросы о ее прошлом.

– Расскажи о себе. Ты дважды спас меня, – она облизывает губу.

– А еще мы поцеловались. И, как я говорил, ты идеально мне подходишь.

Она фыркает и посылает мне дерзкую улыбку.

– Каким видом спорта ты увлекаешься? Что сподвигло тебя на это?

– Всем понемногу. Парашют, серфинг, скалолазание.

– И ко всему прочему ты слушаешь Вилли, – замечает она, продолжая есть бургер.

– Оставь Вилли в покое. Если ты приедешь в Техас, то услышишь его из каждого утюга.

– Ты в Лос-Анджелесе, поэтому здесь не найдется поклонников его творчества.

Я смеюсь.

– Ты не ответил на вопрос.

– Что сподвигло? – я пожимаю плечами и отодвигаю от себя тарелку. – Мы с братом выросли на небольшом ранчо. Изо дня в день тягали сено, кормили животных, обьезжали лошадей. Замкнутый круг. Это пугало. Мы понимали, что если продолжим в том же духе, то в конце концов очнемся в сорок лет с двумя детьми и закладной на дом.

– Так живут многие. И это неплохо – иметь дом.

– Неплохо. Но я не чувствовал себя счастливым.

– И вы с братом сбежали.

– Да. Трэвис тоже не горел желанием так жить.

Впервые за год мне легко говорить о брате. Каждый раз, когда кто-то пытается начать разговор о Трэве, я сразу ухожу либо перевожу тему. Даже когда это делает Крис, мне тяжело что-то отвечать. Хотя они были лучшими друзьями, и он так же потерял его.

Но сейчас... Не знаю. Мне хочется это сделать: поговорить о нем и не испытывать боли в груди. Сделать это с тем, кто не знает о Трэве ничего и не будет отпускать сочувственные взгляды.

Может, это потому, что я не знаю Алекс, не знаю, увидимся ли мы еще. А может, потому, что она понимает меня. В том смысле, что мы оба сбежали из дома. Выбрались из замкнутого круга. Она сменила клоповник и убогий район на успех. А мы с братом – ранчо на небо.

И он сделал это в прямом смысле слова.

Закидываю в рот картошку фри и впервые за долгое время не отмахиваюсь от мыслей о брате.

В конце концов, завтра я снова прыгну и встречу с ним.

– Вы осели в городе или путешествуете?

– Мы объехали весь мир. Я бы не смог довольствоваться чем-то одним. У каждого берега разные волны. А вода четырех океанов отличается друг от друга. Водопады, пустыни, подводные пещеры – столько всего неизведанного. Жизнь одна, почему бы не прожить ее на полную катушку?

Алекс, не дыша, смотрит на меня и даже перестает есть. Я улыбаюсь.

Как можно остановиться на чем-то одном? Мы с Трэвисом никогда не могли осесть на одном месте. Поэтому он не заводил отношений, чтобы ничто не могло остановить его на пути к мечте. А Эми всегда следовала за мной.

За последний год моя жизнь круто изменилась.

Глава 8

Алекс

– А что вы с братом делаете в Лос-Анджелесе? – спрашиваю я.

Макаю картошку фри в кетчуп и сырный соус. Уже не помню, когда я с таким наслаждением ела, а главное – никуда не торопилась. Чувствую, я не обойдусь только блинчиками и картошкой.

Кэмерон задумчиво смотрит в окно, постукивая пальцами по стаканчику с колой.

– Я приехал почтить его память, – отвечает он хрипло.

Кусок картошки встает поперек горла, и я закашливаюсь. Хватаю колу и, сделав несколько глотков, перевожу дыхание.

Боже, надо же быть такой идиоткой.

– Прости, я не подумала. Соболезную, – шепчу я.

Аппетит пропадает за секунды.

– Ничего. Уже год прошел, – Кэмерон отводит взгляд, пытаясь скрыть свои чувства.

Не могу винить его за это. Уж не первой встречной излить душу.

Между нами повисает неловкое молчание. Я никогда не знала, как вести себя в таких ситуациях. Я глубоко сочувствую Кэмерону, но все слова застревают в горле.

«Соболезную», «мне очень жаль» – разве можно глупыми словами облегчить боль? Когда произносишь эти слова, то понятия не имеешь, что испытывает человек, стоящий напротив тебя. Да, ушедший для каждого может что-то значить, однако это нечто иное, когда теряешь кого-то столь близкого, что даже спустя долгое время воспоминание об утрате причиняет боль.

Кэмерон потерял брата, и я представить не могу, что он чувствует, вернувшись в город, с которым ассоциируется смерть человека, бывшего для него целым миром.

Отложив картошку в сторону, вытираю пальцы салфеткой и смотрю на него.

Кэмерон так увлеченно рассказывал о своих путешествиях с братом, что у меня и мысли не возникло, что его больше нет.

– Если хочешь, мы можем уйти, – произношу я неуверенно.

– Неужели ты уже получила свою порцию удовольствия? – на его губах появляется улыбка, и я вновь теряюсь.

Я улавливаю легкий акцент, присущий всем техасцам: он растягивает слова. Словно никуда не торопится, и вся суэта мира может подождать.

– Думаю, оргазмическая картошка сделала свое дело, – мои щеки заливаются краской.

– В таком случае пойдём.

Он подзывает официантку и расплачивается, а я направляюсь в сторону туалета, чтобы привести себя в порядок.

Включаю холодную воду и плескаю себе в лицо. Туши уже почти не осталось, и я немного похожа на панду. Выдернув из держателя салфетку, поправляю макияж и, стянув с запястья резинку, собираю волосы в высокий хвост.

Засовываю руку в задний карман за телефоном, чтобы позвонить Алану, но его там нет.

Наверное, я забыла его в клубе после того, как феерично ушла от Брайса.

Наверняка Алан сейчас не находит себе места. Во-первых, из-за появления Максвелла. Как он вообще прошел в клуб? Теперь у меня к Алану тоже есть парочка вопросов. А во-вторых, из-за ситуации с Кэмероном. Наверняка он видел наш поцелуй, как и все остальные в клубе. Я так и слышу его встревоженный голос и тысячу вопросов, которые он хотел бы задать мне сегодня. Ведь все пошло не по плану, а Алан предпочитает держать ситуацию под контролем.

Иногда я задыхаюсь от его хватки.

Я провожу пальцами по губам, и на лице появляется улыбка.

Поцелуй Кэмерона был неожиданным, но мне понравилось. Он не давил на меня, позволил самой решать и, если быть честной, я поступила так не из-за Брайса. Да, это был удачный момент, но если бы Кэм подошел ко мне и повторил его, я бы согласилась.

В конце концов, мы живем один раз. Я свободная девушка. А он чертовски привлекательный парень. К тому же эти ямочки на щеках, когда он улыбается.

Возможно, он уедет завтра или через неделю и останется для меня приятным воспоминанием. А еще – доказательством того, что я в первую очередь человек, а не способ продвижения для бывшего.

– Боже! – слышу я восхищенный писк в стороне.

Обернувшись, вижу перед собой молодую девушку. Она сжимает в руках телефон и направляет на меня камеру.

– Ты же Алекс Дэниелс, – звучит тот же голос и раздается череда щелчков.

– Достаточно было просто попросить, и я бы с тобой сфотографировалась, – устало произношу я.

Девушка словно в оцепенении смотрит на экран телефона. Ей все равно, что я живая стою перед ней, главное – она сделала снимок. Ее взгляд полностью прикован к экрану смартфона, и щелчки продолжают следовать один за другим.

Да я бы душу отдала, если бы встретила своего кумира. И уж точно не стояла бы так и не пялилась в телефон.

Кидаю мокрую салфетку в урну и выхожу из туалета.

Замечаю Кэмерона у барной стойки и направляюсь к нему.

– Все нормально? – спрашивает он, заметив мой хмурый вид.

– Если ты не против, могли бы мы уехать? Там в туалете очередная фанатка. Скорее всего, минут через десять здесь будет полно журналистов.

Не знаю, как это работает, но стоит случайной фотографии попасть в интернет, как они появляются и делают на мне деньги.

Кэмерон молча кивает в сторону выхода.

Обхватив себя за плечи, я направляюсь к его пикапу. Ночью значительно похолодало, а все мои вещи остались в клубе.

Сев в машину, я тру ладони, чтобы немного согреться.

– Не хочешь кое-куда заехать? – спрашивает Кэмерон, заводя двигатель.

– Везешь меня, чтобы убить? – шучу я, но голос выходит слишком хриплым и разочарованным.

– Просто доверься мне, – подмигнув и одарив меня теплой улыбкой, он выезжает с парковки.

«Доверься мне».

Я знаю его от силы пару часов, но почему-то мне хочется это сделать.

Мы едем по ночным улицам. Второй раз за несколько суток я оказываюсь в машине этого загадочного парня, и второй раз он спасает меня от журналистов.

Расслабившись, откидываюсь на спинку кресла и, повернув голову, смотрю на Кэмерона. Уверенно обхватив руль, он ведет машину по Голливудским холмам. Рукава бежевой рубашки закатаны до локтей, открывая крепкие руки. Легкий прохладный ветер залетает в приоткрытое окно и играет с его волосами, а на его губах видна улыбка. Он переключает радиостанцию, и салон машины заполняет одна из песен моей любимой группы. Заметив мой взгляд, Кэмерон подмигивает мне, и, улыбнувшись в ответ, я закрываю глаза.

Интересно, как сильно различаются наши жизни? Наверняка он тоже знаменит в своей среде, но преследуют ли спортсменов с таким же рвением, как рок-звезд?

Первое время я сходила от этого с ума. Было непривычно, когда папарацци следовали каждому моему шагу. Я фотографировалась и, как дурочка, махала в камеру. Я была слишком наивна.

В принципе, я и сейчас не имею ничего против них, но иногда мне хочется побыть наедине с собой. Они же выскакивают как черти из табакерки, заставляя чувствовать себя выставочным экспонатом.

Последний раз я застала одного настырного гаденыша, когда прогуливалась по магазинам: он пытался заснять какого цвета я выбираю нижнее белье. Можно подумать, ничего интересней этого нет.

Наверняка Кэмерону не приходится с таким сталкиваться.

Но я сама к этому шла. Так что надо просто подобрать сопли и идти дальше. Все через это проходят. Ребята из группы стараются не показывать, как их порой раздражает слава. Они скрывают все тревоги за легкомысленными улыбками. И все же у славы есть обратная сторона.

Я не заметила, как огни ночного города сменились фонарями одинокого шоссе. Вокруг нет освещения, и, оглядываясь по сторонам, я пытаюсь понять, куда мы направляемся.

– Почти приехали.

Кэмерон съезжает с дороги. Машина плавно минует несколько ухабов, а затем он паркуется на песке.

Лунный свет отражается от поверхности океана, заставляя воду блестеть и играть. Непривычно слышать звуки прибоя без шума города. Соленый воздух окутывает меня, и, сделав глубокий вдох, я ощущаю, как он заполняет легкие. Маленькие капли океана оседают на лице.

Спрыгиваю на песок и обхватываю себя руками.

– Подумал, ты хочешь побыть в тишине, – Кэмерон протягивает мне теплый плед.

– Спасибо, – отвечаю я и накидываю его на плечи.

Мы подходим к воде и опускаемся на песок.

Кэмерон задумчиво смотрит на океан, берет горсть песка и не спеша высыпает его из ладони. Я не так хорошо знаю этого парня, но в его глазах видна тоска. Наверняка он думает о брате. Кэмерон так зачарованно и с такой любовью рассказывал о нем. А сейчас словно потерял часть себя.

Поэтому я в который раз убеждаюсь, что никакими словами нельзя утешить человека, прошедшего через смерть близких.

– Трэвис был необычайно смелым, но в то же время чертовски глупым, – вдруг говорит Кэмерон с улыбкой. – Он мог прыгнуть с вершины водопада, не задумываясь о том, что скрывается внизу. А однажды он за считанные секунды бросился из самолета, когда увидел, что парашют одного из участников соревнования не раскрылся.

Он смеется и, закинув голову назад, смотрит на звездное небо.

– Ты скучаешь по нему? – шепчу я.

– Адски.

– Как это произошло?

– Мы были на Гавайях. Волны были просто потрясающими. Через пару дней мы должны были отправиться домой, чтобы отпраздновать юбилей мамы. Пока мы с Эми отправились за коктейлем, ему стало плохо. Сердечный приступ. Никто ничего не успел сделать. Он умер в океане.

У меня сжимается сердце, а к глазам подступают слезы. Плечи Кэмерона напряжены. Он переводит дыхание и отводит взгляд, показывая всем своим видом, что это уже в прошлом.

Но это не так. Такие моменты навсегда остаются с нами.

Я протягиваю руку и касаюсь его пальцев. Аккуратно беру его ладонь в свою и, придвинувшись ближе, кладу голову ему на плечо.

Кэмерон крепче сжимает мою руку и переплетает наши пальцы. Мы молча смотрим на океан. На стихию, которая забрала часть его души. Но он продолжает заниматься серфингом, несмотря на то, что должен ненавидеть океан. Может, таким способом он чтит память брата.

Сейчас моя проблема с папарацци кажется мне такой мелочью. Я не представляю, как бы себя чувствовала, если бы с кем-то, кого я люблю, произошло подобное. Смерть каждый день преследует каждого из нас, и к ней нельзя быть готовым. Она заставляет ценить жизнь. Проживать каждую секунду. Наслаждаться ей. И быть благодарным за этот день.

Мы какое-то время смотрим на океан, и я сильнее укутываюсь в плед. Заметив мою дрожь, Кэмерон обнимает меня за плечи.

– Какие у тебя планы на завтра? – спрашивает он, нарушая молчание.

– Репетиция. Мы скоро отправимся в турне, поэтому каждый день проводим в студии, доводя до совершенства звук.

– По-моему, вы отлично сегодня отыграли, – он проводит кончиками пальцев по моему плечу, и я вздрагиваю.

– Для Алана не существует понятия «отлично».

– Разве менеджер имеет такую власть над вами?

– Он однажды облажался и потерял все. Поэтому теперь предпочитает держать руку на пульсе. На самом деле именно благодаря ему мы столько достигли.

– А может, потому, что вы талантливы? – он немного отстраняется и заглядывает мне в глаза.

Лунный свет играет со мной злую шутку. Сейчас Кэмерон кажется мне еще привлекательнее. Его серо-зеленые глаза смотрят на меня в ожидании ответа, но не требуют его. А губы манят к себе, чтобы еще раз попробовать их на вкус.

– Поехали завтра со мной, – предлагает он, не сводя с меня взгляда.

– Куда?

– Просто доверься мне. Если тебе не понравится, я отвезу тебя куда скажешь.

Второй раз он просит довериться ему, и, как бы глупо это ни звучало, я хочу сделать это.

В любом случае, его не интересует моя слава.

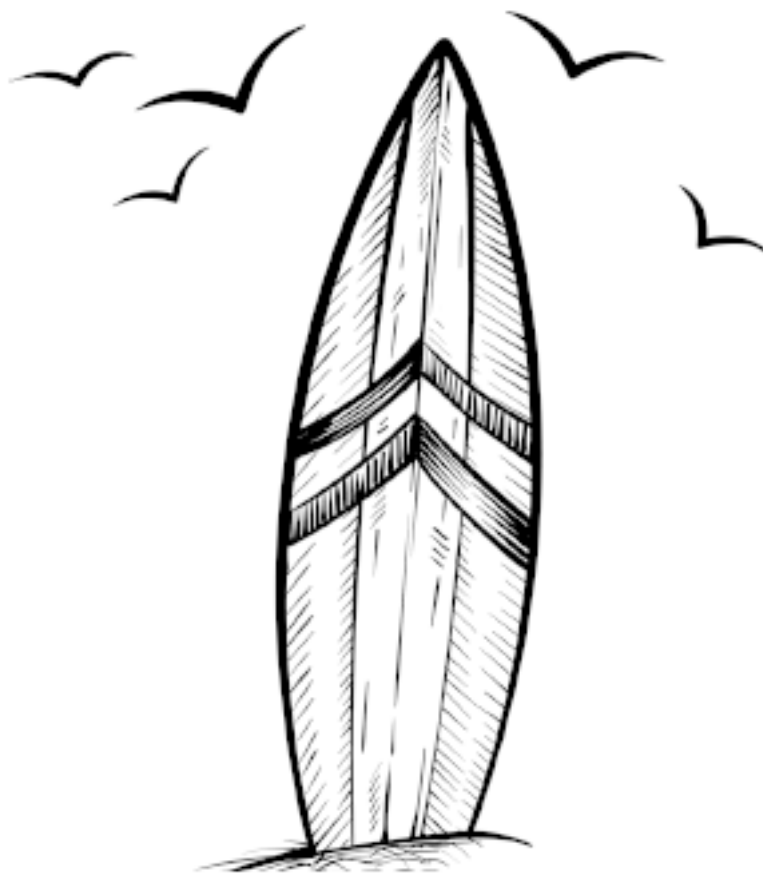
«Брайса это тоже изначально не волновало», – подкидывает мне мысль подсознание.

Но Кэмерон не такой. Если бы он хотел воспользоваться мной, то нас бы уже окружили и слепили вспышками фотокамер репортеры.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

На его губах появляется улыбка. Он мгновение смотрит на меня, и мне начинает казаться, что он сейчас меня поцелует. Но вместо этого Кэмерон поворачивается к океану и, накиннув мне на плечо упавший плед, продолжает наблюдать за тем, как череда волн разбивается о песчаный берег.

Глава 9

Кэмерон

– Кэм, расслабься, – брат толкает меня в плечо и, широко улыбаясь, хватая доску и направляется в океан. – Я сделаю тебя в два счета! – кричит Трэв.

– Это мы еще посмотрим!

Он запрыгивает на доску и уходит под воду. Волна накрывает его своей тяжестью и, разбившись, долетает до меня маленькими каплями.

Трэвис выныривает и большими гребками всплывает на гребень волны. Брат уверен в каждом своем движении. Мы оба любим экстрим, любим находить пределы своего страха. Испытывать его на прочность. Но Трэв просто безбашенный. Даже сейчас он специально пропускает небольшие волны и пристальным взглядом следит за тем, как издалека очередной свелл с бешеной скоростью несет к берегу.

Почему мы выбрали Гавайи в зимний период? Да все по той же причине – Трэв захотел пощекотать нервы.

Только в этом году меня стало преследовать непонятное чувство, оно возникало, стоило нам только переступить порог аэропорта.

– Кэм, пойдем за лимонадом, – Эми обвивает мою талию руками и целует в плечо.

Повернувшись, я обнимаю любимую девушку и оставляю на ее губах легкий поцелуй.

Ее волосы пропитала океанская соль, заставив их завиваться. Эми с улыбкой смотрит на меня и, взяв за руку, тянет в сторону кафе.

Обернувшись назад, смотрю, как брат входит в трубу. Гребень волны закрывает обзор. Если бы я в данную минуту видел его лицо, то на нем была бы довольная улыбка, потому что в очередной раз океан покорился ему.

Подлетев к Крису, одной рукой я хватаюсь за него, а другой – за Митча. Тридцать человек, образовавшие круг в воздухе. Своеобразное почтение памяти Трэвиса. Каждому из нас был дорог мой брат. Для каждого он что-то значил. Кому-то спас жизнь. С кем-то познакомился в очередной переделке. С кем-то не особо контактировал. Но каждого с Трэвисом что-то связывало.

Сейчас нас связывает только небо. Я помню, как в недоумении смотрел на брата, когда однажды он завел разговор о том, что я должен буду делать, если с ним что-то случится. Трэв хотел, чтобы именно в Лос-Анджелесе развеяли его прах. Чтобы он остался свободным. Он всегда говорил, что небо – его дом.

И он навсегда остался дома.

«Трэв, я так по тебе скучаю, безбашенный ты засранец!»

Крис сжимает мое плечо, спрашивая этим жестом, все ли нормально, и я отвечаю таким же пожатием.

Город Ангелов становится все ближе. С высоты птичьего полета видно, как он разделен на разные районы: небоскребы перетекают в бедные кварталы, а лоск сменяется серостью. Зелень деревьев покрывает горы, а вдалеке заметна знаменитая надпись – «Hollywood».

Порыв ветра подхватывает нас, и мы перестраиваемся в нужное направление. Я хочу закрыть глаза и поддаться ему. Представить, будто это Трэв подталкивает меня и, как и всегда, ведет туда, откуда мы можем не выбраться. Словно он кричит: «Рискни!»

И я делаю это. Каждый день я рискую, лишь бы быть таким, как он.

Именно брат всегда выбирал, куда мы отправимся в следующий раз. В каких соревнованиях примем участие. До какой степени позволим страху взять верх над нами.

Пока он был рядом, я ни о чем не беспокоился. Я всегда знал, что мой старший брат придет на помощь и подставит плечо. Как и в детстве, когда я падал с лошади, а он поднимал меня и подталкивал идти дальше.

Он был моим кумиром. Тем, за кем я следовал всю жизнь.

И он не имел права вот так уходить.

Крис дает команду разъединяться. Мы приближаемся к земле – пора дергать вытяжное кольцо. Друг вновь сжимает мое плечо, а затем, отпустив, раскрывает свой парашют. Один за другим в безоблачном небе появляются яркие пятна и разлетаются в стороны.

А я, закрыв глаза, отдаюсь во власть свободного падения. Поток воздуха подхватывает меня, проходит сквозь, пытаюсь забрать эту непреодолимую тоску. Но она стала частью меня, пропитала от и до и стала единой с каждой молекулой моего тела.

Перед глазами предстает Трэв – он снова подмигивает мне перед тем, как зайти в океан и больше не вернуться.

Датчик высоты на руке начинает вибрировать, напоминая, что пора раскрывать парашют. Четыре тысячи метров.

Три минуты с братом.

И на этом все: он снова ушел, оставив меня одного.

Этого слишком мало, но выбора нет.

Дергаю вытяжное кольцо – и меня на мгновение подбрасывает вверх. Поправляю стропы и беру направление в сторону аэродрома.

С каждой секундой земля становится все ближе. Я подгибаю ноги и сажусь немного дальше намеченного места. Солнце слепит глаза. Достав солнцезащитные очки, отстегиваю парашют и оглядываюсь по сторонам. Все ребята почти сели. Синий парашют Криса падает на землю, и он резким движением отстегивает крепление.

Подбираю свои вещи и направляюсь к пикапу.

– Кэм, ты как всегда, в своем репертуаре, – замечает Тони.

Усмехнувшись, закидываю снаряжение в багажник и достаю из мини-холодильника воду.

– Я сделал тебе неплохую рекламу.

Наверняка шоу в небе видел весь город.

Он ничего не отвечает, потому что знает, что я прав. Хоть Тони и разрешил нам использовать его аэродром для прыжков, это не означает безвозмездную услугу. Мы прыгаем, а он получает очередной поток людей, желающих покричать в воздухе.

Я захлопываю багажник и жду Криса.

Он недовольно плетется в мою сторону, а рядом с ним Эми. На ней обтягивающие брюки и футболка, а короткие волосы едва достигают плеч. Когда-то она яростно заявляла, что никогда в жизни не сделает каре. Эми выросла на юге, и сочетание длинных светлых волос, нежной улыбки и легкого платья, как это было в нашу первую встречу, может создать ошибочное впечатление. Да, она нежная и хрупкая, но узнав эту девушку поближе, можно увидеть, сколько в ней силы и желания совершить какое-нибудь безумство.

Робко улынувшись, она отводит взгляд в сторону Криса.

За последний год наши отношения с Эми стали неловкими, если, конечно, так можно выразиться. Мы не знаем, как говорить друг с другом после разрыва, и все чаще избегаем моментов, когда можем остаться наедине.

– Я даже слышать ничего не хочу! – Крис закидывает в багажник свои вещи и, закрыв, хлопает по нему ладонью.

– Да ладно тебе, Крис, – Эми заправляет короткую прядь за ухо. – Думаю, Трэв остался бы доволен сегодняшним полетом.

– Еще как! А еще он мог бы лично об этом сказать Кэмерону, потому что этот ненормальный был в шаге от того, чтобы отправиться на тот свет!

Крис испепеляет меня взглядом.

– Расслабься, – я кидаю ему бутылку с водой.

Недовольно покачав головой и махнув в мою сторону рукой, словно говоря, что я безнадежен, он отходит от нас и садится в машину.

Вот и тот неловкий момент, когда мы с Эми остаемся одни.

Все, что нужно знать о наших отношениях – мы идеально подходим друг другу. Точнее, подходили. Эми стала первой девушкой, которую я полюбил. А еще она так же, как и я, любит спорт.

Мы познакомились на одном из турниров. Отношения могут развиваться на протяжении месяцев, у нас же все закрутилось за неделю. Когда мне надо было уезжать, Эми отправилась со мной. Она была рядом со мной и Трэвом на горных вершинах, прыгала с парашютом, покоряла волны.

Наши отношения связывали драйв и легкость. Многие из нашей компании не верили, что мы сможем быть вместе. Иногда мы на месяцы разъезжались по разным точкам планеты. Но мы смогли сохранить отношения, и это было безумством, потому что каждая наша встреча становилась взрывом эмоций и страсти. Одежда летела в стороны, и ближайшие дни нас никто не беспокоил.

Эта девушка перевернула мой мир. Для нас не было никаких ограничений. Мы не говорили о любви, не строили планов на будущее. Просто жили моментом, наслаждались и полностью отдавались друг другу. То, что происходило между нами, нельзя описать обычным «люблю». Это было гораздо большим.

Но все изменилось со смертью Трэва. Я отдалился. Обозлился на весь мир. Эми боролась до последнего, но в конечном итоге сдалась.

Сейчас она стоит рядом, неуверенно переминается с ноги на ногу и прокашливается.

– Думаешь, он еще долго будет на тебя злиться? – Эми кивает в сторону Криса.

– Всегда, – я смеюсь.

Звук выходит неестественным и натянутым.

– Поедешь к родителям? Твоя мама звонила мне и приглашала на ранчо.

Еще один парадокс – после нашего разрыва мои родители продолжают общаться с Эми.

– Не уверен. Скорее всего, поеду куда-нибудь в горы.

Эми молча кивает.

– Они скучают по тебе, – произносит она с улыбкой.

После смерти брата мне тяжело возвращаться на ранчо. Каждый раз, находясь там, я думаю, что если бы мы не сбежали, то Трэв остался бы жив.

– Как Митч? – спрашиваю я, меняя тему.

Эми оборачивается назад и, найдя взглядом своего парня, машет ему рукой. Он улыбается ей и складывает свой парашют. Но я чувствую, что его внимание полностью приковано к нам. Глупо ревновать к тому, что прошло. Однако Митч – собственник, и каждый раз, когда мы с ним сталкиваемся, не забывает это продемонстрировать.

– Хорошо. Он почти восстановился после травмы. Говорит, что колено иногда побаливает, но в целом все хорошо.

– Я рад за него.

Между нами снова повисает пауза.

– Ладно, я пойду. Увидимся на вечеринке, – она делает шаг вперед, чтобы обнять меня, но, вовремя спохватившись, отходит.

Я наблюдаю за тем, как моя бывшая девушка приближается к своему нынешнему парню и с улыбкой напрыгивает на него, крепко обняв за шею. Он целует ее в губы, и Эми заливается смехом.

Еще одна неловкость наших отношений заключается в том, что Митч – лучший друг моего брата, и когда-то он был таковым и для меня.

Было непросто принять их отношения. Сначала казалось, что меня предали, но потом... Потом я понял, что Митч – именно тот, кто ей нужен. Пусть он собственник, но может дать Эми то, чего не мог дать я – уверенность в будущем. Я замкнулся в себе после смерти Трэва и оттолкнул ее от себя, в то время как Митч каждый раз протягивает ей руку, даже когда ему самому было тяжело. Они прошли сложный путь, когда Митч повредил ногу меньше полугода назад.

Бросив на них взгляд, я разворачиваюсь и сажусь в машину.

Крис сидит на соседнем сиденье, но делает вид, что не обращает на меня внимания и, нахмурившись, что-то читает в телефоне.

Отъезжаю с аэродрома и, включив Вилли, постукиваю кончиками пальцев по рулю.

– Ты теперь звезда, – вдруг говорит Крис.

– Надо же, ты со мной разговариваешь.

– Заткнись. Ты просто глянь, – он передает мне телефон и тыкает пальцем в экран. – Ты вчера подцепил барабанщицу популярной рок-группы. Друг, я оставил тебя на пять минут, а спустя сутки ты уже красуешься на обложке журнала.

На весь экран наши с Алекс фотографии. Ее руки обвиты вокруг моей шеи, глаза закрыты. Наши тела плотно прижаты друг к другу, а губы соприкоснулись в «фальшивом» поцелуе. Если не знать, что в тот вечер мы виделись второй раз в жизни, можно подумать, что мы и правда влюблены.

Обложка кричит: «Алекс Дэниелс мстит Максвеллу», «Каков следующий шаг Дэниелс?»

Отдаю Крису телефон и продолжаю следить за дорогой.

– Давай, колись. Как это было? Почему ты не сказал, что трахнул ее?

– Следи за языком, – бросаю я ему. – Между нами ничего не было.

Крис – хороший друг, но к девушкам относится отвратительно. Порой он не удосуживается даже узнать имя своей очередной пассии.

– Все получилось непроизвольно.

– О да, твой язык сам по себе оказался у нее во рту.

Отчасти он прав. Я и правда не думал об этом, когда подходил к Алекс. Мне лишь хотелось помочь ей заткнуть несостоявшуюся звезду.

– К твоему сведению, я первый к ней подкатил, – заявляет друг.

– В каком смысле? – изумленно оборачиваюсь я на него.

– Я видел ее на пляже несколько дней назад, но она отшила меня.

– Тогда в твоих же интересах не напоминать ей об этом сегодня, иначе она сделает это во второй раз.

Хотя я не уверен, что Алекс пойдет на вечеринку. Она выкроила лишь пару часов после репетиции.

– Ты хотя бы погуглил ее? – Крис стучит пальцами по экрану и вновь протягивает мне смартфон. – На, посмотри.

– Я не собираюсь ничего читать в интернете. Если Алекс захочет, то расскажет сама.

Во-первых, не хочу опускаться до уровня этих стервятников. Во-вторых, она, черт возьми, человек, а не выставочный экспонат.

– Чувак, она реально знаменита. Просто взгляни, тут куча информации. Личная жизнь, куда она ходит. Каждый ее шаг отслеживают.

Крис пролистывает несколько снимков, и его глаза загораются каким-то безумством. Неужели все с ней так поступают: исподтишка выуживают малейшую информацию и не дают никакого пространства?

Выхватив у друга телефон, швыряю его на заднее сиденье.

– Эй! Ты спятил?! – Крис тянется назад за смартфоном.

– Алекс в первую очередь человек. На черта тебе это?

– Мне просто интересно, на кого запал мой друг, – он пожимает плечами. – И могу сказать, что ты сделал довольно неплохой выбор. Думаю, Эми оценит твои старания.

– Знаешь, иногда ты бываешь редкостным засранцем.

Мы подъезжаем к парковке на пляже, где Крис бросил свою машину.

– Я всего лишь рад за тебя, пусть и в своей манере. Seriously, Кэм, я рад за тебя. После смерти Трэва ты сам не свой.

Началось.

– Проваливай, – киваю в сторону его машины.

– Мы в городе, пока не закончатся соревнования, так что проведи это время с пользой, – Крис открывает дверь и выходит. – Подумай над этим. Нет ничего плохого в том, чтобы жить дальше, он бы хотел этого.

Крис идет в сторону своего джипа и, повернувшись, показывает мне средний палец с дерзкой улыбкой на губах. Я громко смеюсь и смотрю, как он отъезжает.

«Он бы хотел этого».

Я прекрасно знаю, что Трэв не одобрил бы моего поведения. Он предпочитал жить по принципу «все или ничего». У него не было полумер или недосказанностей. Наверное, за это его все и любили.

Я уже слышу его шутки насчет того, что я подцепил недостижимую рыбку и мне придется потрудиться.

Глава 10

Алекс

Что вы знаете о сумасшедших? Я вот за последний час досконально изучила одного из них.

Кэмерон Райли.

Благодаря прессе я знаю его фамилию.

Увидев обложку журнала с нашим поцелуем, я сразу же загуглила его имя и могу с уверенностью сказать: он ненормальный.

У меня кровь стынет в жилах от того, что он вытворяет.

Прыжки с водопадов такой высоты, что мне за ноутбуком становится плохо. Он покоряет горные вершины на сноуборде, взбирается по Гранд-Каньону, прыгает с парашютом и еще бог знает чем занимается.

Я была права, когда говорила, что такие люди живут своей жизнью. Той, которая не доступна обычному человеку.

Каждый раз он висит на волоске от смерти. Я прочитала парочку статей о первых неудачных прыжках Кэма: пролежать месяц прикованным к постели – это не шутки.

И знаете что? На каждой фотографии у него улыбка до ушей. Даже на больничной койке. Мне кажется, у этого парня в венах вместо крови адреналин, причем с примесью необузданного желания жить.

Закрываю несколько вкладок и открываю следующую. И попадаю на статью, которую возглавляет снимок Кэмерона вместе с братом. Он старше Кэма года на три. Они очень похожи.

Серо-зеленые глаза и ямочки на щеках придают их ребячьей внешности особый шарм. Могу с уверенностью сказать, что если бы они бросили спорт, то место моделей было бы за ними.

Пробегаю взглядом по тексту. Статья посвящена его брату.

Трэвис был уважаемым спортсменом. На его похоронах собралось множество людей, и у них в городе ему посвятили небольшой монумент. Видимо, я все же ошиблась, когда думала, что спортсменов так не преследуют.

На всех снимках Кэм с пустым взглядом в окружении близких. И несмотря на то, что рядом семья, он держится обособленно. Словно малейшее соприкосновение с кем-то другим причиняет ему боль.

Мне кажется это неправильным: вот так подсматривать за ним. Захлопываю ноутбук и откидываюсь на спинку кресла.

Ребята рядом громко смеются и перекидываются попкорном. Рик затягивается сигаретой и, выпустив облачко дыма, покачивает головой в такт песне.

Мы уже отыграли четырехчасовую репетицию и выжаты как лимон.

Парни поочередно рассказали мне о том, как после моего фееричного ухода из клуба Алан рвал и метал, пытаясь понять, что я затеяла. Но больше всего их порадовала упавшая на пол челюсть Брайса. Мерзавец до конца вечера выяснял, как давно у меня начались новые отношения, и позабыл о своей Кендис тут же после нашего ухода.

Видимо, я слишком сильно задела его самолюбие.

И я бы с радостью это повторила.

Вчера на прощание Кэмерон поцеловал меня в щеку, а потом мне пришлось быстро забежать домой, потому что журналисты уже поджидали меня у двери. Но мы успели договориться, что сегодня встречаемся на пляже. Я, правда, еще не знаю, получится ли у меня сделать это без лишнего сопровождения.

Вдруг зазвонил мой телефон, лежавший все это время на столике.

– Алекс, у нас проблема, – говорит Мария.

– Что случилось?

Слышится какой-то шелест, а затем щелчок замка.

– Рэйчел приехала, – шепотом отвечает домработница.

– Что?! – восклицаю я.

Ребята дружно поворачиваются на мой возглас и убавляют громкость музыки.

– В каком смысле приехала?

– Она сидит у тебя на кухне.

– Я сейчас буду! – сбрасываю вызов и вскакиваю с места.

Беру палочки, ноутбук и спешно складываю их в сумку.

– Ал, все нормально? – спрашивает Рик, откладывая гитару в сторону.

– Потрясающе, Рэйч объявилась.

– Ммм, младшая сестренка, – он поигрывает бровями.

– Заткнись, Рик, – ему хватает моего гневного взгляда, чтобы замолчать. – Передайте Алану, что меня сегодня больше не будет.

– Ты доведешь его до инфаркта, – смеется Тай.

– Скорее, я отброшу коньки, если Рэйч снова что-то натворила, – бросаю я и, хлопнув дверью, выхожу из студии.

В чем я, собственно, даже не сомневаюсь.

Ребята смеются и вновь включают музыку.

Быстрым шагом минуя коридор и, выйдя на улицу, сажусь в машину. Я не открываю окна, потому что солнце сегодня беспощадно. К тому же мне надо остыть, иначе я убью свою сестру.

Что, черт возьми, она забыла в моем доме, да еще без приглашения?

Хотя это странный вопрос; ей опять нужны деньги.

Прибавляю газ и стараюсь протиснуться сквозь пробки на шоссе. Мне надо попасть домой гораздо быстрее, чем до Рэйч дойдет, что можно пройтись по моей квартире и поискать, что там плохо лежит.

Я содержу семью. И у этой помощи есть границы. Родители не согласились, чтобы я полностью все оплачивала, как бы я ни настаивала. Я готова им купить все, что они захотят. Но мама с папой сказали: им достаточно того, что у меня все хорошо.

Вот только этого недостаточно для меня. Я купила им дом в хорошем районе и каждый месяц кладу на их счет деньги, чтобы они ни в чем не нуждались. Родители же продолжают работать: мама – бухгалтером, а отец – в своей автомастерской. Это единственное, что они разрешили им приобрести.

Братья тоже предпочитают зарабатывать сами. Я лишь помогла им сделать первый шаг.

Но Рэйчел...

Рэйчел – это головная боль. Причем для всех. Не проходит и месяца, чтобы она куда-нибудь не влипла. Она совершенно не приспособлена ко взрослой жизни. Раньше ее проблемы решали родители, теперь же это делаю я. И с каждым разом их масштаб увеличивается.

Заезжаю на подземную парковку и, заглушив мотор, делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и не наорать на сестру в первые же пять секунд.

Поднявшись на лифте в пентхаус, я сразу слышу залиvistый смех сестры и сухие ответы Марии.

– Да ладно тебе, Мар, я могу сама себе приготовить сэндвич, – щебечет Рэйчел. – А хочешь, я сделаю тебе фахитос, от которого ты забудешь обо всем на свете?

– Не думаю, что это хорошая идея. В последний раз вы чуть кухню не сожгли, – сухо отвечает домработница.

– «Почти» не считается, – легкомысленно отшучивается Рэйчел.

Я влетаю в кухню и, бросив сумку на стул, встаю напротив нее и упираюсь ладонями в гранитную столешницу. Мария вытирает об фартук руки, ставит перед Рэйчел тарелку и уходит из зоны боевых действий. А вот Рэйч как ни в чем не бывало берет еду и, жадно откусив кусок, смотрит на меня невинным взглядом.

– Привет, сестренка, – бормочет она с набитым ртом.

За те несколько месяцев, что мы не виделись, ее волосы заметно отросли. Могу сказать, что она отдала немаленькую сумму за покраску, точно так же, как и за дизайнерские вещи. Сестра никогда не умела экономить. Сколько денег ни дай – ей всегда мало.

– Сколько? – я перехожу сразу к делу.

– И я рада тебя видеть, – она ослепительно улыбается.

– Рэйчел, мне не до шуток. Во что ты опять влипла? – скрещиваю руки на груди и продолжаю смотреть на нее неподвижным взглядом.

– Я что, не могу просто так приехать к сестре?

Она надувает губы.

– Нет. Не можешь. Каждый раз, когда ты появляешься на пороге моего дома, мне приходится выписывать чек на круглую сумму.

– У всех бывают передрыги, – она небрежно пожимает плечами и продолжает есть.

Я погорячилась, когда думала, что Рэйчел может измениться. Хотя я изо всех сил старалась верить в нее так же, как и родители. Для них она до сих пор остается маленьким ребенком, который слишком часто ошибается.

Она всегда была инфантильной и легкомысленной. В свои двадцать лет она не проработала и дня. Я имею в виду настоящую работу, которая приносит деньги и позволяет платить по счетам. Она привыкла, что раз у меня есть деньги, то можно разворачиваться и уходить с каждого места, где не так на нее посмотрят.

– Сколько? – повторяю я свой вопрос, пристально глядя на нее.

Она откладывает свой сэндвич, вытирает губы салфеткой, а затем не спеша пьет свежесжатый сок.

Клянусь, она испытывает мое терпение.

– Тридцать тысяч, – говорит она, допив и грациозно заправив прядь волос за ухо.

– Сколько?! – в ужасе восклицаю я.

– Алекс, для тебя это сущий пустяк! – она негодуя смотрит на меня.

Мой ошеломленный взгляд не трогает ее ни на секунду.

– Пустяк?! Рэйч, это тридцать штук!

– Копейки, – она вновь берет сэндвич и продолжает есть как ни в чем не бывало.

Никогда в жизни сестра не принимала ответственность за свои поступки, лишь продолжала требовать свое. И, возможно, именно я виновата в этом. Каждый раз я все решаю. Даже когда не было денег.

– Что ты сделала? – опускаюсь на стул рядом с ней.

– Мы участвовали в гонках. Коди проиграл, – в ее голосе столько разочарования, что я невольно смеюсь.

– И я должна заплатить за него?

– Нет. Ты можешь помочь мне. Мы были в машине вдвоем, не буду вдаваться в подробности, но отчасти проиграли из-за меня.

– Боже, избавь меня от этого!

Очередной провал какого-то неудачника трогает ее намного больше, чем то, что ее собственная сестра с каждым разом все больше разочаровывается в ней.

Понятия не имею, где она их откапывает. Но когда Рэйчел появляется на пороге моего дома, каждый раз звучит новое имя, а следом – душераздирающая история любви.

– В общем, я думала, что получила роль в том дебютном сериале и могла бы платить со своего гонорара, но опоздала на прослушивание.

– Я так понимаю, про напоминания ты даже не слышала? – с сарказмом спрашиваю я.

– Язвить тебе не идет: морщины появляются, – она касается кончиком пальца моего нахмуренного лба.

Как и многие в Лос-Анджелесе, сестра пытается пробиться в кино. Не могу сказать, что у нее великий талант, но роль жертвы получается отлично. К тому же, чтобы добиться успеха, надо вкалывать двадцать четыре часа в сутки. А Рэйчел это несвойственно. Она считает, что кастинг-менеджеры должны при встрече падать ей в ноги.

– Я могла бы попросить денег у родителей, но ты же знаешь, мама начнет переживать.

Вскинув руку, я тычу в Рэйчел пальцем.

– Даже не смей впутывать в это родителей! – с угрозой в голосе произношу я.

Если она расскажет родителям об этих проблемах, мама с ума сойдет от волнения, а папа молча отдаст ей последние деньги, лишь бы поскорее все решить.

Опускаю голову и сжимаю лоб руками.

Она моя сестра. Я не могу ее убить. Надо повторять себе это как можно чаще.

– Так и быть, я устрою тебе кастинг, – выдохнув, говорю я.

Взвизгнув, сестра бросается мне на шею.

Она вновь все рассчитала.

– Но предупреждаю, это в последний раз.

– Конечно! – она крепко целует меня в щеку. – Ой, я забыла, Алекс, у нас затопило квартиру...

– Нет! Ноги твоего неудачника не будет в моем доме!

Рэйчел вновь надувает губы и негодуя смотрит на меня.

На это я точно не куплюсь.

– Алекс, ему надо где-то жить!

– Моя проблема – ты, а не он. Так что если хочешь, чтобы я помогла тебе – захлопни рот.

Она поджимает губы и слабо кивает. Встаю со стула и, развернувшись, направляюсь в спальню.

– Имей в виду, если из моего дома хотя бы зубочистка пропадет, я сдам тебя копам! И мама тебя не спасет! – бросаю я, захлопнув дверь.

Возгласы сестры остаются в кухне. Я падаю на кровать и, уставившись в потолок, беру телефон.

Я уже сбилась со счета, сколько раз устраивала Рэйчел кастинг. Представляю, что скажет Алан, услышав об очередной просьбе.

Набираю номер менеджера.

– Я уже в курсе, что объявилась младшая Дэниелс, – с усмешкой произносит он.

– Я хочу ее убить.

– Об этом я тоже догадался. Я позвонил по нескольким номерам, но Алекс, с ней никто не хочет связываться. Рэйч строит из себя звезду мирового масштаба.

– Знаю. Обещаю, это в последний раз.

Алан ничего не отвечает. Мы оба знаем, что это ложь.

– Завтра с утра Рэйч должна быть в студии. Я скину тебе адрес.

– Хорошо. Спасибо большое.

– Не за что, детка. Предоставь это мне, а сама сконцентрируйся на турне. Это важно для всех.

– Ты же знаешь, проблем не будет. Увидимся завтра.

Я сбрасываю вызов, пока он не завел разговор о совместном проекте с Брайсом. Алан не отступит просто так, а я сейчас не готова вновь спорить. Мне хочется просто закрыть глаза и хоть на мгновение представить, что присутствие Рэйчел не обернется катастрофой, которая окончательно уничтожит наши отношения. У нас с сестрой разница в три года, но иногда кажется, что целая вечность. Мы слишком разные. Она берет от жизни все и часто делает необдуманные шаги. Я же миллион раз удостоверюсь в правильности своего решения, прежде чем приму его.

Подняв голову, смотрю на экран телефона: уже полдень. Мы договорились встретиться с Кэмероном через пару часов, но как я могу оставить Рэйч одну дома? В лучшем случае она закатит вечеринку, а в худшем – спалит квартиру, и я лишусь жилья.

Почему из всех, кого я знаю, проблемы только у нее?

Я уже задумываюсь о том, чтобы действительно остаться дома. Но, черт возьми, если я раз за разом буду бегать за ней, она так ничему и не научится.

Спрыгнув с кровати, я переодеваюсь в шорты и топ, на всякий случай кидаю в сумку сменную одежду и, нацепив на голову очки, выхожу из комнаты.

– Ты куда? – спрашивает Рэйч.

Она лежит сверху ногами на диване и, поедая мороженое, смотрит телевизор.

Такое ощущение, что она всегда здесь жила, а я – всего лишь гость.

– Помни предупреждение. Если с моей квартирой что-то случится, тебе не жить!

Я прохожу мимо нее и беру со столешницы ключи.

– Я люблю тебя! – кричит мне вслед сестра.

Мои губы непроизвольно трогает улыбка.

– И я тебя, – отвечаю я и выхожу.

Надеюсь, Мария присмотрит за ней.

Глава 11

Алекс

Я падаю в воду. В этот раз я не успеваю задержать дыхание, и нос наполняет соленая вода. Мерзкий, отвратительный вкус. Всплыв на поверхность, я откашливаюсь.

За последние несколько часов я поняла одно – я ненавижу океан всеми фибрами души.

Кэмерон громко смеется, заставляя меня в очередной раз злиться.

Хватаюсь за доску и плескаю в него водой. Он не уворачивается. Лишь улыбается и подплывает ко мне.

Как я вообще согласилась на это сумасшествие?

Ах да, я поддалась на его убеждения в том, что это будет безумно круто.

Залезаю на доску, отстегиваю лиш и заваливаюсь на нее. Тяжело дыша, пытаюсь успокоить сердцебиение. Солнце припекает и ярко светит в глаза. У меня же едва хватает сил, чтобы держать их открытыми.

Я не слабачка. Хожу в спортзал. Игра на барабанах тоже заставляет попотеть, но, черт возьми, доска меня просто уничтожила. Каждая мышца в теле горит адским пламенем.

Теперь я прекрасно понимаю, почему Кэмерон так хитро улыбался, когда я заявила, что через пять минут встану на доску. Встать-то я встала, но никто не говорил, что я удержусь на ней, когда меня накроет волна.

– Ты цела? – спрашивает Кэмерон.

Он садится на доску и, свесив ноги по бокам, с улыбкой смотрит на меня.

– Думаю, я не смогу выйти из океана.

– Глупости. У тебя почти получилось. Ты простояла десять секунд, – даже с закрытыми глазами я вижу его саркастичную ухмылку.

У меня хватает сил только повернуть голову и гневно посмотреть на него.

Кэмерон кладет ладонь на поверхность воды и закрывает глаза.

Такое ощущение, будто он прислушивается к океану. Говорит с ним на одном языке. У него такой умиротворенный вид. Каждая черточка на его лице разглаживается. Капли воды стекают по крепкой накачанной груди. Закинутые назад мокрые волосы блестят на солнце, а губы растянуты в легкой расслабленной улыбке.

Этот парень чертовски сексуален. А еще в нем есть что-то, от чего захватывает дух.

Будто он родился для такой жизни: чувствовать природу каждой клеточкой своего тела.

– Ты сконцентрирована на конечной цели: встать на доску и все. Но ты должна почувствовать океан.

– О, поверь, я чувствую его всем телом. Особенно задницей, – ворчу я.

Я уже все себе отбила.

– Плыви за мной, – Кэмерон гребет в сторону берега.

Нехотя сажусь на доску и следую за ним. Еще одного падения я не вынесу.

Мы подплываем к берегу, Кэмерон отстегивает лиш и, отнеся доску на берег, возвращается ко мне.

– Слезай, – командует он.

Я подчиняюсь. Во мне теплится надежда, что больше мне не придется это повторять, иначе я сама лично уйду под воду.

– Вся проблема в том, что ты слишком зажата. Ты не хочешь чувствовать.

– Каждый раз, когда я расслабляюсь, я падаю!

Кэмерон фыркает и подплывает ко мне. Он притягивает меня спиной к своей груди и кладет свою руку на мой живот. По коже пробегают мурашки. Если сначала это было от того, что вода прохладная, то сейчас – от его легкого прикосновения. Жар медленно распространяется по телу мягкой волной.

Судорожно сглатываю и провожу рукой по мокрым волосам. Наши взгляды на мгновение встречаются, и я замечаю, как он смотрит на мои губы.

Понятия не имею, что он задумал, но у меня такое ощущение, что я сейчас упаду в обморок. Он слишком близко.

Кэмерон берет мою руку и кладет на поверхность доски.

– Что ты чувствуешь, когда играешь на барабанах? – шепотом спрашивает он.

Его вопрос вводит меня в ступор. Что я чувствую?

Барабаны – это то, что заставляет меня проживать совершенно разные эмоции. В одно мгновение – это зашкаливающий адреналин, из-за которого сердце так стучит по ребрам, что становится тяжело дышать, а в другое – умиротворение. Когда я вижу со сцены толпу фанатов, то понимаю, что все, к чему я так долго и упорно шла, осуществилось. Я добилась своего. И от этого все остальное отходит на второй план. Это не передать словами. Это надо чувствовать. Барабаны – это не просто вещь, инструмент. Это что-то большее.

– Свободу, – тихо говорю я и нервно сглатываю.

– Так позволь ей вырваться наружу. Не контролируй. Представь, что ты и доска – это барабаны, а океан – фанаты. Ты управляешь ими. Каждым ударом задаешь ритм. Заставляешь сердце биться чаще. Слейся с ними воедино.

Его дыхание так обжигающе близко, что по мне пробегают мурашки. Я чувствую аромат, исходящий от него: цитрус и океан. Это слишком опьяняющая смесь. Морской воздух словно пропитал каждую клеточку тела Кэмерона.

Кончики его пальцев нежно поглаживают мой живот. Я непроизвольно откидываю голову на его грудь.

Солнечные лучи играют на нашей коже. Опустив взгляд, замечаю, как Кэм переплетает наши пальцы, а затем опускает ладонь на поверхность воды.

– Закрой глаза и просто послушай, – шепчет он.

Делаю, как он говорит: закрываю глаза и просто слушаю. Сначала я слышу лишь то, как сильно мое сердце бьется в груди. Но потом, отбросив все мысли... Я действительно слышу океан. Как вода скользит под моей ладонью. Омывает ее. Просачивается в каждую пору. Слышу, как волна разбивается о берег и шипит, оседая пеной на песке. Слышу, как чайки кружат высоко в небе.

Такие простые звуки, но я никогда не обращала на них внимания.

А еще я слышу, как сердце Кэмерона бьется в таком же сумасшедшем ритме, как и мое.

– Я хочу попробовать еще раз, – голос выходит слишком хриплым.

Кэмерон кивает, его губы едва уловимо касаются моего виска, так что я не могу понять, случайность ли это или поцелуй, и он отстраняется.

Забираюсь на доску.

– Не бойся океана, чувствуй.

Я слабо киваю и начинаю гребти. Мышцы рук вновь горят, а ноги дрожат, но я сделаю это. Главное – не конечный результат, а эмоции. Просто надо чувствовать.

Я разворачиваюсь. На мгновение на меня нападает паника, когда я замечаю идущую на меня волну. Она больше тех, что были раньше.

«Просто чувствуй», – повторяю я себе.

Делаю большие гребки. Доска набирает скорость, скользит по воде. Сердце вновь заходится в сумасшедшем ритме, а в горле так пересыхает, что становится тяжело дышать.

Закрываю глаза и представляю, что доска – это барабаны. Если Кэм рожден, чтобы чувствовать природу, то я рождена, чтобы быть одним целым с музыкой. Я чувствую ее каждой клеточкой тела. Управляю ритмом своей жизни. Управляю теми людьми, которые приходят на мои концерты. Они вскидывают руки каждый раз, когда я ударяю палочками. Я дарю им часть себя, своей свободы, той энергии, которую чувствую сама.

Раз океан похож на людей, следующих моему ритму на концертах, то я хочу дать почувствовать ему, что сейчас происходит внутри меня.

Я гребу еще сильнее, взбираюсь на гребень волны и, когда приходит пора встать на доску, отбрасываю страх и делаю это. Ноги неуверенно подрагивают, но я расставляю руки в стороны и, поймав волну, плыву, стоя на доске.

Поверить не могу. Я сделала это! Адреналин мощным потоком выбрасывается в кровь. Эмоции переполняют меня, и я кричу.

Доска начинает вилять, я на доли секунды теряю равновесие. Слышу восторженный крик Кэмерона. Волна заворачивается в трубу, и я падаю.

Меня переворачивает в воде, но я не поддаюсь панике. Доска тянет меня за ногу, а следом сильные руки хватают за талию и вытаскивают на поверхность.

– Алекс, ты как? – обеспокоенно спрашивает Кэмерон.

Он затаскивает меня на доску и внимательным взглядом осматривает, чтобы удостовериться, что я не пострадала.

Я еще никогда в жизни не чувствовала такого кайфа.

– Я сделала это! – кричу я во все горло и начинаю смеяться.

Несмотря на то, что полчаса назад я умирала, сейчас во мне полно сил. Спрыгиваю в воду и кидаюсь Кэмерону на шею.

– Это все ты! Я сделала это благодаря тебе! – подняв голову, смотрю ему прямо в глаза.

Его рука скользит по моей спине все выше, он касается ладонью моей щеки и поглаживает ее.

– Нет. Ты все сделала сама, – шепчет он.

Его губы слишком близко. Но меня притягивают его глаза. Они сводят меня с ума и заставляют потерять рассудок.

А точнее, то, что я вижу в них.

Свободу.

* * *

Переворачиваюсь на живот и нехотя беру из сумки телефон. Эйфория и адреналин быстро прошли, оставив усталость. Несколько пропущенных от Алана и ребят. Если было бы что-то срочное, то менеджер нашел бы меня с сиренами. А вот два пропущенных от сестры заставляют насторожиться.

Рэйчел мне никогда не звонит просто так.

Она отвечает со второго раза.

– Ты спалила мой дом? – сразу спрашиваю я.

– Ты не особо-то в меня веришь. Я всего лишь хотела спросить, можно ли мне надеть что-нибудь из твоей одежды? Все свое барахло я оставила дома, – с досадой произносит она.

На заднем фоне слышится звук открывшейся двери и шелест.

– Рэйч, если я сейчас переключу на видеосвязь, то увижу тебя в гардеробной, так что не прикидывайся, – ворчу я.

Сестра хихикает.

– Ты же знаешь, как я тебя люблю?

– Ты любишь мои вещи. Не спали дом!

Сбрасываю вызов и, убрав телефон обратно в сумку, откидываюсь на полотенце и смотрю на небо. Наверняка Рэйчел уже перерыла всю гардеробную, и по возвращении домой меня ждет бардак.

– Иногда я просто мечтаю задушить свою сестру, – выдыхаю я.

Кэмерон смеется. Он только что вышел из океана, и морские капли покрывают его крепкую грудь и живот, а влажные волосы, едва доходящие до шеи, слегка завиваются.

– Она младшая?

– Да, но не в этом дело, – переворачиваюсь на живот и смотрю на него. – Рэйчел не приспособлена к жизни. Она всегда попадает в неприятности. С самого детства она заставляла родителей сходить с ума. Она взбалмошная и легкомысленная. Да маму бы удар хватил, если бы она узнала, что сестрица должна тридцать штук непонятно кому.

Точнее не она, а этот неудачник. Я могла бы отказать, но тогда сестра либо обратится за помощью к родителям, либо найдет альтернативный вариант. Ни один из пунктов меня не устраивает.

– И ты дала ей деньги? – в его голосе нет обвинения, лишь интерес.

– Да. Знаю. Может, это неправильно, ведь Рэйчел как заноза в заднице, но она моя сестра. Я не могу бросить ее.

Выдергиваю из песка травинку. Кажется у меня входит в привычку оправдываться за сестру.

Кэмерон с улыбкой смотрит на меня.

– Знаешь, я вечно влипал в неприятности, когда был младше. Трэв всегда меня вытаскивал. Когда мы ушли из дома, мне едва исполнилось восемнадцать. Кроме ранчо, я ничего не видел. Но рядом с братом мне всегда было спокойно. Когда я делал очередную ошибку, он подставлял плечо и подталкивал меня идти дальше.

Вчера в голосе Кэмерона было столько боли, когда он говорил о брате, сейчас же видно, как эти воспоминания вызывают в нем теплоту и тоску, но не ту, от которой щемит сердце.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать: хорошо, когда есть на кого опереться. Но посмотри на себя, ты очень многого достиг. Победы в соревнованиях, восхождения, прыжки. А Рэйч... такое ощущение, что ей нравится весь этот бардак, – с сожалением шепчу я.

– Значит, ты гуглила меня, – замечает Кэмерон.

– Пресса подкинула твою фамилию, так что – да, – мне почему-то становится стыдно. – И надо признаться, я подумала, что ты псих.

Он откидывает со лба светлые волосы, берет банку «Доктора Пэппера» и делает несколько глотков.

– Что тебя шокировало больше? – с усмешкой спрашивает он.

– Пожалуй, все. Ты столько раз получал травмы, но возвращался в спорт.

– Я им живу, – он пожимает плечами. – Это круто, когда то, что приносит тебе удовольствие, позволяет зарабатывать и жить так, как тебе хочется.

– Но ты ведь можешь погибнуть, – слова вылетают прежде, чем я успеваю подумать.

Улыбка Кэмерона на мгновение меркнет. Он поправляет солнцезащитные очки и поднимает их на лоб.

– Могу. Но какой смысл просиживать всю жизнь в пыльном кабинете? Единственное, что я понял со смертью Трэва, – надо жить на полную катушку. Брат умер на доске. И отчасти за это я ненавижу океан. Но я больше чем уверен в том, что он был счастлив, как бы глупо это ни звучало. Он жил спортом. Дышал океаном. Трэвис пошел за своей мечтой и умер свободным.

Я слабо киваю.

Это действительно звучит странно, но все же в словах Кэмерона есть доля правды.

Нельзя стать счастливым, если жизнь проходит не так, как ты хочешь.

– У нас вечером будет вечеринка в память о Трэве. Если ты не занята, я хотел бы, чтобы ты пошла со мной.

Я сказала ребятам, что меня сегодня больше не будет. Запланированных выступлений или шоу нет. Да, после проката на доске я думала поехать домой, чтобы приглядеть за Рэйч: очень опасно оставлять ее надолго одну. Но она взрослая девочка, и часть ее проблем я уже решила. Так почему бы и мне не воспользоваться заслуженным отдыхом? Тем более против компании Кэмерона я ничего не имею.

Только сначала мне действительно надо заехать домой.

– Не думаю, что я подходяще одета.

– Не говори ерунды. Ты потрясающе выглядишь, – он многозначительно осматривает мой купальник. Фыркнув, кидаю в него горсть песка. – Seriously. Это не такие вечеринки, на которые ты привыкла ходить. Будет костер у океана, много пива, идиотские шутки и приятная компания.

– Значит, ты тоже меня гуглил? – я смотрю на него с прищуром.

– Нет, – отвечает он серьезно. – Не вижу в этом смысла. Ты же передо мной и, если я захочу что-то узнать, то просто спрошу.

Я закусываю губу. Да уж, я-то первым делом полезла в интернет.

Кэм смотрит на меня в ожидании ответа.

– Хорошо, – отвечаю я, и на его губах появляется довольная улыбка.

Глава 12

Алекс

– Ты разыгрываешь меня?! – я замираю в дверях трейлера.

Кэмерон смеется и скрывается за дверью шкафчика.

– Ты определенно самый странный парень, которого я встречала.

– Может, «самый нормальный и чертовски привлекательный»? – он поигрывает бровями.

Наглости ему не занимать.

– Нет. Я правильно выразилась. А почему ты не остановился с остальными?

Я заметила, что трейлер Кэмерона стоит отдельно.

Он пожимает плечами.

– Люблю побыть наедине. К тому же соседство с Крисом предполагает наличие бардака.

Скрестив руки на груди, я прохожу внутрь и осматриваюсь. Он живет в трейлере. Поведать не могу. И если уж честно, я ожидала увидеть бардак: за время турне с парнями я много чего повидала. Но я точно не думала, что увижу аккуратно застеленную постель и прибранную кухню.

– Любишь чистоту?

– Скорее, выработан рефлекс. С моей мамой не сильно-то расслабишься, – с улыбкой произносит он.

Трейлер небольшой и аскетично обставлен: кроме мебели, досок для серфинга и снаряжения здесь практически ничего нет. Но я чувствую себя уютно.

Мой взгляд привлекает ловец снов, висящий над кроватью. Провожу кончиками пальцев по узелкам и белым перьям. Довольно необычный аксессуар. Пожалуй, это единственная вещь, которая выделяется из всей обстановки.

Этот парень полон сюрпризов. Вилли Нельсон, трейлер, «не гуглить, а спросить». Что еще припасено у него в рукаве?

– Держи, – Кэмерон протягивает мне теплый свитер и полотенце. – Можешь переодеться в душе.

Он кивает в сторону небольшой двери. Прижав к себе вещи, захожу в маленькую кабинку. Тут едва хватает места для меня одной, как же он тут помещается? Складываю мокрую одежду на край раковины и, включив воду, встаю под теплую воду.

Пока мы выбирались с пляжа, я продрогла до костей, и предложение Кэмерона зайти к нему перед вечеринкой показалось мне удачным. Этот парень еще ни разу не сделал ничего такого, что заставило бы меня усомниться в нем.

Выключив воду и вытеревшись полотенцем, надеваю сухие шорты и майку, а сверху – свитер Кэмерона. Он почти доходит мне до колен.

Расчесываю пальцами волосы: из-за морской соли это непросто. Лицо за сегодняшний день так загорело, что на щеках появились румянец и веснушки, которые я обычно стараюсь спрятать. Убираю вещи в сумку.

– Алекс, все нормально? – спрашивает Кэм.

– Да, – я выхожу из душевой и замечаю его на улице.

Невольно вздрагиваю от внезапного порыва ветра и сильнее кутаюсь в шерстяной свитер.

Уже довольно холодно: температура опустилась до четырнадцати градусов, тем более мы у океана.

Кэмерон сказал, что они остановились в небольшом кемпинге, но я не вижу других трейлеров поблизости.

– А где остальные?

– Они уже на пляже. Пойдем.

Он берет меня за руку и тянет в сторону большой воды.

Солнце почти село. Ярко-оранжевый закат окрашивает песок пестрыми цветами, а синий океан сливается с небосводом.

Мы спускаемся по узкой тропинке, и мои сандалии утопают в прохладном песке.

Когда я была на вечеринке в прошлый раз, там гремела музыка и все смеялись как ненормальные. Сейчас же все иначе.

На пляже горит несколько костров, а вокруг них собрались небольшие компании. Слышится смех, шутки и треск горящих веток.

– Кэм, наконец-то! – на нас налетает какой-то парень и крепко обнимает Кэмерона.

– Друг, ты явно перебрал.

– Я только начал.

Я слышу тот же южный, расслабленный акцент, как у Кэмерона.

Незнакомец отстраняется от Кэмерона и охмелевшим взглядом смотрит на меня.

– Красотка, тебе повезло, что я позволил тебе тогда уйти, – он откидывает со лба длинные светлые волосы.

Я перевожу непонимающий взгляд на Кэмерона. Он, хохотнув, дает парню подзатыльник и толкает в плечо.

– Алекс, знакомься, это мой лучший друг, Крис. И недавно ты нанесла ему душевную травму своим отказом.

Я все еще не понимаю, что здесь происходит. Но потом, рассматривая его, вдруг вспоминаю.

– Точно, ты – тот парень с пляжа.

– Именно. И могу сказать, что ты прогадала с выбором. Я гораздо круче, – произносит он заплетающимся языком.

– Я определенно пожалею об этом, – с усмешкой замечая я.

Крис вклинивается между нами и, положив руки на наши плечи, тянет к пляжу.

– Позволь провести тебе экскурсию, – рукой, которая лежит на моей шее, он показывает на группу у костра. – Вот там самые скучные люди на свете. Они отказываются играть на раздевание.

Одна из девушек показывает ему средний палец, при этом ослепительно улыбаясь.

– Уитакер, тебе не суждено увидеть мою грудь, даже если ты окажешься при смерти!

– Ты просто не понимаешь, что теряешь! – Крис улыбается ей и посылает воздушный поцелуй.

– Я прекрасно знаю, и поверь, слухи о тебе преувеличены.

Крис заливисто смеется и, сжав мое плечо, наклоняется к моему уху:

– Она обиделась после того, как я не позвонил ей, – шепчет он.

– А может, ты просто не оправдал ее ожиданий? – поддразниваю я.

– Ты можешь проверить достоверность фактов, – он подмигивает.

– Проваливай! – Кэмерон отталкивает друга в сторону.

Я смеюсь. Шутки в подобном роде для меня довольно привычны. Если вы побудете на нашей репетиции, то сможете услышать и не такое.

Крис на заплетающихся ногах бредет в сторону девушки, только что отказавшей ему, и, усевшись рядом, сгребает ее в объятия.

– Что ты будешь? – спрашивает Кэмерон.

– Пива достаточно.

Мы подходим к костру, он вытаскивает из холодильника бутылку пива и протягивает мне. Сев на песок, я поджимаю под себя ноги и прячу их под свитером. Из машины негромко играет Kodaline, у костра потрескивают ветки с поджаренным зефиром.

Не помню, когда я в последний раз так проводила время. Нет камер, пафосных заведений, никто не делает исподтишка компрометирующие кадры, и не надо ни с кем заводить нужные знакомства, мило улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.